МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»,
реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ,
«ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)»
и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона
при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США),
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).
Точка зрения, отраженная в данном издании,
может не совпадать с точкой зрения доноров
и организаторов Программы.

Российский государственный университет им. И. Канта
Балтийский межрегиональный институт общественных наук
«Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее»

Регион сотрудничества

Выпуск 3 (46)

Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий

Под редакцией А.П. Клемешева

Калининград
Издательство РГУ им. И. Канта
2005

УДК 323.173(470.26):327
ББК 66.4(0)
П 781

Редакционная коллегия:
А.П. Клемешев, ректор РГУ им. И. Канта (председатель)
В.Г. Барановский, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН (Москва)
В.С. Корнеевец, административный директор БалтМИОНа РГУ им. И. Канта
С.В. Кортунов, профессор Академии военных наук РФ (Москва)
Г.М. Федоров, проректор по научной работе РГУ им. И. Канта
А.Е. Шаститко, директор Бюро экономического анализа (Москва)

Печатается по решению Совета научных кураторов
программы «Межрегиональные исследования в общественных науках»

П 781 **Регион сотрудничества. Вып. 3 (46):** Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий / Под ред. А.Ю. Мельвиля, А.П. Клемешева. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – 95 с.
ISBN 5-88874-678-9

Публикация посвящена проблемам сепаратизма в условиях анклавных территорий. Основное внимание уделено Калининградской области как единственному российскому анклаву (эксклаву). На основе предшествующего анализа специфики анклавных территорий вообще и Калининградской области в частности оценивается реальность угрозы сепаратизма в этом российском регионе. В работе использованы результаты выполненных РГУ им. И. Канта в течение 2001-2005 гг. социологических обследований, в том числе ранее не публиковавшиеся данные обследования, выполненного в ноябре 2005 г. и специально посвященного проблеме сепаратизма.

Издание адресовано политологам, социологам, специалистам в области регионального управления, бизнесменам, всем интересующимся политическими и геополитическими процессами в Балтийском регионе.

УДК 323.173(470.26):327
ББК 66.4(0)

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 5-88874-678-9

© Коллектив авторов, 2005
© АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2005

Содержание

От редакции 4

Ведение 5

1. Калининградский «сепаратизм»: мифологема и реальность..... 8

2. Сепаратизм как политическое явление 11

3. Сепаратизм и региональный сепаратизм в Калининградской области 25

4. Социологические обследования калининградского социума 33

5. Калининградская область: оценка потенциальной угрозы сепаратизма 60

6. Калининградская региональная субкультура и проблемы сепаратизма 71

Заключение..... 83

Список литературы..... 87

От редакции

Выпуск 3 (46) серии «Регион сотрудничества» подготовлен Балтийским межрегиональным институтом общественных наук при Российском государственном университете имени Иммануила Канта.

В серии «Регион сотрудничества» продолжается публикация статей по проблемам взаимодействия Российской Федерации и стран зарубежной Европы, прежде всего Европейского союза, и особенно стран Балтийского региона. Особое внимание уделяется роли Калининградской области как пилотного региона сотрудничества. К обсуждению проблем общеевропейского сотрудничества приглашаются другие Межрегиональные институты общественных наук, а также все российские и зарубежные эксперты, занимающиеся данной проблематикой.

Введение

Исследования Балтийского института межрегиональных наук (БалтМИОНа) Российского государственного университета им. И. Канта, осуществляемые в рамках общей темы «Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее», имеют различные аспекты, фокусируясь географически прежде всего на регионе Балтийского моря, и в особенности на Калининградской области, где на компактной территории сконцентрированы разнообразные интересы многочисленных акторов. Переплетение интересов, часто разнонаправленных, и динамизм развития экономических, социальных и политических процессов, с одной стороны, и их четкая локализация в пределах окруженной границами и морем эксклавной российской области — с другой, делают эту территорию интересным полигоном исследований. Речь идет не только о процессах развития эксклава, хотя эта задача сама по себе весьма актуальна. Но, кроме того, здесь легче выявить зависимости, которые в других регионах проявляются менее заметно, и установить многие общие закономерности развития политических отношений между Россией и Западом, а в масштабах Российской Федерации — между Центром и регионами. Изучение эксклавного российского региона способствует также разработке вопросов, касающихся соотношения процессов глобализации и регионализации, приобретающих с течением времени все большее значение.

Одна из таких проблем, представляющих большой практический интерес и требующих глубокого теоретического осмысления, — проблема сепаратизма в условиях анклавности. Калининградская область не имеет оснований для *этнического* или *конфессионального* сепаратизма, поскольку 82% ее населения — русские. Однако пространственная изолированность от основной территории страны является географической предпосылкой *регионального* сепаратизма, возни-

кающего вследствие снижения интенсивности социально-экономических и демографических связей с другими частями государства за счет их замыкания в пределах эксклава и усиления связей области с территориями соседних зарубежных государств, когда региональные интересы начинают противопоставляться общегосударственным.

После превращения в 1991 г. Калининградской области сначала в советский, а затем в российский эксклав проблема «калининградского сепаратизма» с большей или меньшей активностью постоянно обсуждается как отечественными, так и зарубежными экспертами. Ей уделяется большое внимание не потому, что в регионе реально существует серьезное политически оформленное сепаратистское движение, а чаще всего в спекулятивных целях, причем качественно различающихся. С одной стороны, в публикациях ряда российских экспертов «калининградский сепаратизм» сочетается с такими негативно окрашенными терминами, как «германизация», «черная дыра», «двойная периферия» (России и ЕС) и пр. На основе этих грозных, но виртуальных, не подтвержденных реальными фактами терминов усиливаются требования к федеральному Центру принять к области специальные меры (вплоть до превращения ее в федеральную территорию, управляемую чуть ли не непосредственно из Москвы). С другой стороны, некоторые зарубежные (и часть калининградских) эксперты надеются на обособление населения области от России с целью реализации идеи «четвертой балтийской республики», «кондоминиума», «еврорегиона “Пруссия”», включения территории области в состав Польши, Литвы или Германии и т.п.

Указанные выше идеи нами подробно анализировались с указанием их принципиальных недостатков, и полученные результаты отражены в публикациях БалтМИОНа[1]. Тем не менее, несмотря на

---

[1] *Калининградский* социум в европейском контексте / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2002; *Калининградская* область России и расширение ЕС. Проблемы общеевропейской интеграции: Аналитический доклад. Калининград: Изд-во КГУ, 2003; *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Остров сотрудничества. Калининград: Изд-во КГУ, 2002; Они же. Особая территория России. Калининград: Изд-во КГУ, 2003; *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Развитие Калининградской области в условиях российско-европейского взаимодействия на Балтике. Калининград: Изд-во КГУ, 2004; *Они же.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград: Изд-во КГУ, 2004; *Зверев Ю.М., Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Подходы к оценке ситуации в регионе и региональной стратегии // Космополис. 2005. № 13.

слабую обоснованность, многие касающиеся области предложения, рекомендации, концепции, стратегии и прогнозы достаточно часто продолжают указывать на якобы существующую угрозу калининградского сепаратизма. Поэтому имеет смысл подробнее остановиться на оценке ситуации в регионе и анализе факторов, которые могут способствовать развитию ситуации в этом направлении. В данной публикации мы постараемся оценить реальность угрозы сепаратизма в эксклавном российском регионе на Балтике, учитывая наш предшествующий анализ специфики анклавных территорий вообще и Калининградской области в частности[2].

Кроме того, мы будем опираться на результаты выполненных нами в регионе в течение 2001—2005 гг. социологических обследований[3], в том числе на ранее не публиковавшиеся данные обследования, выполненного в ноябре 2005 г. и специально посвященного проблеме сепаратизма.

---

[2] *Клемешев А.П.* Российский эксклав в условиях глобализации. Калининград: Изд-во КГУ, 2004; *Он же.* Перспективы эксклавов в условиях глобализации. Калининград: Изд-во КГУ, 2005; *Он же.* Проблемы эксклавности в контексте глобализации. СПб: Изд-во СПбГУ, 2005; *Он же.* Трансформация эксклавности в условиях политической глобализации // Полис. 2005. № 4; *Клемешев А.П., Зверев Ю.М.* Проблемы анклавных территорий // Регион сотрудничества. 2004. №14(39): Глобализация и регионализм: Теория и проблемы калининградского эксклава; *Гареев Т.Р., Зверев Ю.М., Клемешев А.П.* Глобализация и (не)однородность мирового пространства // Регион сотрудничества. 2004. №14(39): Глобализация и регионализм: Теория и проблемы калининградского эксклава.

[3] *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Калининградский социум // Регион сотрудничества. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. Вып. 15; *Клемешев А.П., Федоров Г.М., Алимпиева А.В.* Калининградский социум: проблемы консолидации и стратификации // Регион сотрудничества. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. № 2(20); *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Калининградский социум: по результатам социологических обследований 2001—2004 гг. // Регион сотрудничества. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. № 6(31).

1. Калининградский «сепаратизм»: мифологема и реальность

Превращение одной из пограничных областей РСФСР в российский эксклав, отделенный от остальной территории страны двумя государствами, стало одним из последствий краха Советского Союза. Первое время руководство России не уделяло этой проблеме достаточного внимания, поскольку она не считалась приоритетной на фоне других острых проблем, с которыми оно столкнулось. Образовавшийся вакуум попытались заполнить зарубежные эксперты и аналитики. В начале последнего десятилетия XX в. увидело свет большинство концепций дальнейшего развития Калининградской области, которые, с небольшими модификациями, существуют и до настоящего времени (и вряд ли исчезнут в будущем). Глобальные трансформации, изменившие политическое лицо планеты за несколько лет, раскрепостили фантазию теоретиков западной геополитики, а также публицистов и журналистов, пишущих о калининградской проблеме. Возникло впечатление, что в новых международных условиях возможны любые, самые невероятные комбинации. Наряду с проектами передачи Калининграда Германии, Польше или Литве появились предложения о создании на месте балтийского региона России самостоятельного государства, протектората ООН или ЕС, российско-германского кондоминиума и пр.

В российских органах власти с запозданием осознали, что подобное оживление в теоретико-концептуальной сфере рано или поздно может трансформироваться в реальную дипломатическую

активность. Калининградское направление региональной политики России долгое время страдало недостатком комплексного подхода и формальным перенесением в сферу реальных политических отношений теоретических рассуждений и пропагандистских клише. Альтернативой современной концепции развития такого стратегического региона страны, как российская Прибалтика, вряд ли могут быть эмоционально окрашенные высказывания, каковыми и являются предложения сепаратистского плана. Национальный суверенитет РФ над Калининградской областью ставят под сомнения только радикальные группировки в балтийских странах и ФРГ, прочно обосновавшиеся на обочине политической жизни данных государств. Вряд ли целесообразно экспрессивно реагировать на каждое действие подобных организаций. Вместо риторики следует разрабатывать реальные проекты решения объективно существующих проблем. То есть необходимы научные разработки, обосновывающие российскую позицию по отношению к попыткам изменения нынешнего статуса Калининградской области. Из-за нехватки таких разработок в недостаточной мере мотивировались возражения по поводу выступлений некоторых калининградских политиков, время от времени предлагающих адаптировать систему управления регионом, полномочия местных властей к особенностям положения российского эксклава в окружении ЕС и НАТО.

Высокий уровень политизации споров о специфике развития Калининградской области в постсоветский период, с одной стороны, расширяет число экспертов, вовлеченных в обсуждение. С обывательской точки зрения, дискуссия от такого развития событий только выигрывает, приобретая элемент сенсационности и скандальности. Но, с другой стороны, это неизбежно ведет к ангажированности позиций, искажению реальной картины. Эксперты, получающие информацию о регионе из вторых-третьих рук, плодят новые мифы, являющиеся результатом механического перенесения на неизвестный материал публицистических схем.

Ситуация объективно осложняется тем, что у России нет опыта функционирования крупного эксклава в окружении правового, экономического и культурного пространства западной цивилизации. Поэтому федеральные политики и эксперты нервно реагируют на прогнозы ассимиляции населения Калининградской

области, развития здесь автономизма и сепаратизма. В свою очередь многие калининградцы недовольны подозрительностью представителей Центра и считают, что Москва занята «поиском шпионов под кроватью». Действительно, на сегодняшний день различные варианты сепаратистских идей — Калининградская область как кондоминиум РФ и ЕС; ассоциированный член ЕС; Балтийская республика — не имеют широкого распространения. Незначительный уровень общественной поддержки таких проектов сохраняется в региональном социуме на протяжении последнего десятилетия. Но долгосрочный прогноз развития Калининградской области вызывает опасения у части аналитиков. Интенсивные заграничные контакты населения региона (40 % жителей регулярно посещают соседние страны или другие государства ЕС) представляются мощным инструментом социокультурной экспансии Запада.

На наш взгляд, качество дискуссии о перспективах и вызовах, связанных с будущим российской части юго-восточной Прибалтики, выиграло бы от замены эмоциональных клише и стереотипов объективным анализом. Часто сторонники противоположных точек зрения не дают себе труда осмыслить базовые элементы собственных воззрений, считая их чем-то само собой разумеющимся. В качестве примера можно указать на постоянное использование термина «сепаратизм» при обсуждении настоящего и будущего Калининградской области. Так как обнаружить подобное явление в общественно-политической жизни региона довольно трудно, в ход пущены загадочные новообразования — «ползучий», «латентный» сепаратизм и т. д. Идет засорение политической лексики заимствованиями из зоологии и медицины, призванными хлесткостью определения отвлечь внимание от сомнительного содержания. В таких условиях целесообразно провести простую аналитическую операцию: во-первых, вспомнить основные характеристики сепаратизма, причины его появления и возможные варианты эволюции; во-вторых, сопоставить типичные аспекты сепаратизма, подтвержденные политической историей и фактами сегодняшнего дня, с современной ситуацией в Калининградской области.

2. Сепаратизм как политическое явление

На первый взгляд размышления над содержанием сепаратизма как элемента политической действительности излишни — в связи с тем, что смысловое наполнение термина однозначно и не вызывает особых разночтений. Сепаратизм — стремление отделения части от целого. В контексте существования государств это обозначает политику, направленную на выделение населения какой-то территории из состава данной страны и создание самостоятельного субъекта международных отношений или получение автономии от центральных властей. Во втором случае речь идет о пролонгированной или незавершенной сецессии (выходе из состава государства). Итак, сепаратизм —это борьба за обретение полной независимости, создание собственного государства.

Констатация данного факта порождает несколько вопросов. Во-первых, дробление, распад государств отнюдь не являются особенностью только современной политики. Еще империи Древнего мира периодически погружались в пучину раздробленности, которую сменяли попытки создания великих государств. Если тенденции к самостоятельности были характерны еще для персидских сатрапов и феодалов Средневековья, чем тогда принципиально отличается сепаратизм, о появлении которого можно говорить не ранее конца XVIII в.? Во-вторых, какая разница между национально-освободительным движением — явлением, безусловно, прогрессивным — и сепаратизмом, отношение к которому преимущественно негативно? В обоих случаях целью является создание самостоятельного государства. Неужели правы

те аналитики, которые считают выбор терминологии для характеристики движения за отделение оценочным, субъективным моментом, всецело зависящим от идейно-политических пристрастий комментатора? В-третьих, как совместить принципы государственного суверенитета, нерушимости границ с правом наций на самоопределение?

Сопоставление усобиц античного и феодального периодов с сепаратистскими движениями более позднего времени позволяет уверено говорить о том, что кроме элементов внешнего сходства между этими центробежными процессами очень мало общего. В первую очередь это касается изменения роли элиты и широких народных масс. Прежде борьба за отделение была инициативой аристократии, а население в эту борьбу вовлекалось в качестве пассивного объекта. В современном сепаратизме идея создания самостоятельного государства охватывает значительные группы социума. Рядовые обыватели добровольно участвуют в действиях, сопряженных с высоким риском: поддерживают подпольные структуры, вступают в нелегальные вооруженные формирования, терпят материальные лишения ради «национальной свободы».

Следующее различие обусловлено тем, что сепаратизм стал побочным продуктом определенной стадии развития государства. До появления и реализации концепции «нация-государство» борьба за отделение или централизацию обусловливалась взаимоотношениями внутри узкой группы правителей. В новой системе координат, утверждающейся в Европе после Вестфальского мира 1648 г., наличие «собственного» государства стало обязательным элементом для любой относительно консолидированной этнической общности. Более того, без подобного института судьба этноса представлялась плачевной.

Таким образом, движение за отделение связано с определенным этапом в развитии цивилизации, для которого характерно массовое и регулярное вовлечение граждан в политический процесс, использование этнического принципа при формировании государств. На первых порах сецессия была актуальна преимущественно для населения колоний, входивших в состав Британской, Французской, Испанской, Российской и Австро-Венгерской империй. Но уже в XIX в. выяснилось, что освобождение от метрополии не означает стабилизации новых государственных обра-

зований. Особенно наглядно это противоречие продемонстрировало развитие событий во второй половине XX в. После ухода колонизаторов из стран Азии и Африки значительная часть новых государственных образований погрузилась в полосу бесконечных внутренних конфликтов, обусловленных центробежными тенденциями. Приходится признать, что, в конечном счете, при желании можно обосновать уникальность любого локального сообщества и на этом основании мотивировать граждан на борьбу за отделение. Вряд ли дробление существующих государств до уровня сообщества независимых городов и деревень соответствует основным тенденциям развития цивилизации. Хотя бы потому, что общество не выдержит содержания такого количества атрибутов суверенности (президентов, армий, правительств, парламентов и т. д.).

Поэтому проблема соотношения национально-освободительного движения и сепаратизма приобретает в настоящее время все большую актуальность. Порой провести границу между данными явлениями непросто. Например, с точки зрения властей Турции и большей части турецкого общества вооруженная борьба курдов на юго-востоке страны носит явно сепаратистский характер. В курдской общине Турции широко распространены оценки этой борьбы как национально-освободительной. Ситуацию еще больше запутывает то, что при этом Турция длительное время поддерживала аналогичное движение на севере Ирака, в Иракском Курдистане[4].

С большой осторожностью можно говорить о том, что национально-освободительный характер борьба за сецессию приобретает только в определенных условиях. Речь идет о формальном и фактическом неравенстве граждан по этноконфессиональному или территориальному признакам, агрессивной лингвокультурной политике властей, направленной на насильственную ассимиляцию меньшинств. Отсутствие широких возможностей для интеграции представителей меньшинств в существующую социально-экономическую и политическую систему не способствует их

---

[4] *Кава Дибо*. Регионально-международный аспект курдской проблемы // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 4.

лояльности в отношении данных государств. Игнорирование социально-экономических потребностей населения, преследование и геноцид в отношении меньшинств не оставляют им иного выхода, кроме ожесточенной борьбы с властью, выступающей от имени большинства населения.

Вместе с тем надо признать, что в мире достаточно примеров того, когда борьба за отделение мотивирована гиперболизированными представлениями о значении собственного этноса, стремлением части политических сил локальных сообществ к тотальному господству над ним и его ресурсами. Такая оценка всецело относится к деятельности корсиканских и бретонских группировок во Франции, азорских сепаратистов в Португалии, трайбалистских вооруженных формирований Чада, Сомали, горных племен стран Юго-Восточной Азии и т. д.[5] Нередко деятельность, начатая под национально-освободительными знаменами, постепенно изменяет свой первоначальный характер. В качестве примера можно привести положение в Стране Басков. Боевики местной националистической организации ЭТА вступили на путь вооруженной борьбы в начале 70-х гг. прошлого века. Во многом это стало ответом на политику унификации и ассимиляции, проводимой режимом Франко. Жесткие действия спецслужб способствовали росту популярности националистов. В прошедшие после смерти диктатора три десятилетия власти Испании последовательного проводили политику расширения полномочий регионов. Сейчас деятельность ЭТА уже не может быть оправдана защитой интересов угнетенной нации. Как показывают выборы, с конца прошлого века большая часть населения Страны Басков поддерживает политику центрального правительства или умеренных автономистов. Не стоит забывать о том, что стратегической целью ЭТА является создание независимого государства на базе северных районов Испании и юго-западных департаментов Франции. Между тем французские власти нельзя обвинить в каких-то ущемлениях прав басков. Получается, что даже тогда, когда в борьбе ЭТА с испанским правительством были элементы национально-освободительного характера, данная организация в

---

[5] *Дашдамиров А.* Многоликий сепаратизм//Независимая газета. 2000. 5 февр.

отношении Франции выступала с исключительно сепаратистских позиций[6].

Стремление к некоторой обособленности, сохранению собственных традиций и привычного уклада является естественным для любой общности. Как отмечают эксперты, без обособления нет общения. Мы интересны друг другу именно своими различиями. Тотальная унификация всего и вся невозможна и вредна, так как резко уменьшает вариативность адаптации человека к различным обстоятельствам. Проблема заключается в степени обособленности. Вряд ли целесообразно всегда доводить ее до уровня образования государственных институтов и приобретения суверенитета любой ценой.

Сепаратизм вызывается к жизни различными причинами. Чаще всего они связаны с проблемами во взаимоотношениях этнических и конфессиональных общин, которые входят в состав единого государства. Борьба приобретает крайне ожесточенный характер и может продолжаться долго. В Мьянме (бывшей Бирме) отряды народностей шан и карен продолжают повстанческую борьбу последние 50 лет[7]. Курдские сепаратисты в Ираке и Турции сражаются за создание собственного государства на протяжении 30—40 лет[8]. В Судане в настоящее время предпринимаются попытки остановить уже третью с 1961 г. гражданскую войну. Борьба, которая уже унесла свыше 2 млн жизней, ведется между правящей арабской элитой и негроидными племенами юга. Данный конфликт осложняется религиозными противоречиями. Власть представляет интересы мусульманской общины, тогда как повстанцы придерживаются христианства и традиционных языческих верований[9].

Использование религии в качестве знамени, объединяющего мотива сепаратизма получило широкое распространение в мире. Можно, например, вспомнить о самом известном сепаратистском движении Западной Европы — Ирландской республиканской ар-

---

[6] Эскуди та Аскатасуна// www..terrorismu..net/antiterror/terror_org/organisations/384shtml.

[7] *Дмитриев И.* Третья мировая//Версия. 2004. № 20.

[8] *История* создания РПК (ПКК). Этапы борьбы//kurds-cr..narod.ru/page7.html.

[9] *Хассан Ибрагим Хасан*. Гражданская война в Судане // humanities.edu.ru/db/msg/39672.

мии (ИРА). С 1968 г. боевики ИРА ведут борьбу против правительственных войск Великобритании и полулегальных формирований протестантской общины Северной Ирландии от имени угнетенного католического меньшинства[10].

На Филиппинах и в Таиланде действуют сепаратистские группы, выступающие за отделение районов, населенных мусульманами. В индийском штате Пенджаб в 70—80-е гг. прошлого века радикально настроенные представители сикхов (одной из религий страны) развязали активную террористическую борьбу с центральным правительством, в числе жертв которой оказалась и премьер-министр Индии Индира Ганди. Основным требованием боевиков было создания «Халистана» — государства «чистых», т. е. адептов сикхизма[11]. Гражданская война в Боснии и Герцеговине демонстрирует переплетение этнических и конфессиональных корней сепаратизма. В сербской и хорватской общинах этой бывшей югославской республики в начале 90-х гг. XX в. возобладали силы, выступавшие за воссоединение соответственно с Хорватией и Сербией. Третья группа — местные мусульмане — использовала для консолидации религиозный фактор. Итогом одновременного действия мощных центробежных сил стала самая кровавая за последние полвека гражданская война в Европе. В нее оказались втянуты и Сербия, и Хорватия, радикальные исламистские группировки и НАТО. По ходу боевых действий хорвато-мусульманский альянс, противостоящий сербскому ополчению, регулярно распадался и его участники вели вооруженную борьбу друг с другом. Даже сейчас, спустя десятилетие после «силового принуждения» конфликтующих сторон к миру в 1995 г., Босния и Герцеговина остается «опереточным» государством. Это искусственное образование невозможно представить без опеки НАТО и ЕС, протекторатом которых оно фактически является[12].

---

[10] *Ирландская республиканская армия*. Историческая справка // www.ru-newsweek.ru/news/?page=308nid=182

[11] *Гордиенко Е.* Жизнь и смерть Индиры Ганди//АиФ. 2004. 19 окт.

[12] *Волков В.* «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х годов: распад ялтинско-постдамской системы международных отношений // Новая и новейшая история. 2002. №2. С.11—50.

Интенсивность и масштабы сепаратистского движения во многом зависят от внешних сил. Соседние государства могут сознательно раздувать внутренние противоречия в приграничных зонах для того, чтобы ослабить своих явных или потенциальных противников. Известно, что основные базы отрядов Рабочей партии Курдистана два десятилетия располагались на территории соседней с Турцией Сирии. Правительство последней таким способом пыталось создать проблемы своему более мощному оппоненту[13].

Расположенная в центральной части Африки Уганда систематически оказывает значительную помощь племенным ополчениям народности тутси, действующим в Руанде, Бурунди и на севере Демократической Республики Конго[14].

Отношения между Индией и Пакистаном почти 60 лет омрачает так называемая кашмирская проблема. Дели обвиняет своих соседей в поддержке кашмирских сепаратистов, ведущих повстанческую войну за выход из состава Индии и присоединение к Пакистану. Со своей стороны пакистанские власти утверждают, что Индия оказывает помощь боевикам шиитского меньшинства, ведущим борьбу с господствующей в стране суннитской общиной[15].

Политика, направленная на присоединение территории проживания национального меньшинства к соседнему этнически родственному государству, носит название *ирредентизма*. Это одна из самых опасных разновидностей сепаратизма, так как логика событий втягивает во внутренний конфликт другую страну, что ведет к непредсказуемым последствиям. Достаточно вспомнить войну 1992—1994 гг. между Арменией и Азербайджаном, спровоцированную ирредентистским движением армянской общины Нагорного Карабаха. В этом конфликте, по самым скромным оценкам, погибло почти 200 тыс. человек. Выход из ситуа-

---

[13] *Ахмедов В.М., Кулагина Л.М.* Сирия, Турция и Иран: новые подходы к межрегиональному сотрудничеству //www.iimes.ru/rus/stat/2005/17-01-05.htm.

[14] *Чернов М.* В борьбе за контроль над Африкой Евросоюз и США готовы пожертвовать миллионами жизней//РБК. 2004. 26 авг.

[15] *Кашмирский* излом//Еженедельный журнал. 2005. 13 янв.

ции не найден до сих пор. Между сторонами действует перемирие, которое может быть нарушено в любой момент[16].

Попытка военного режима в Греции и местных радикалов в 1974 г. осуществить «энозис» — присоединение Кипра, частично заселенного этническими греками, — привела к гражданской войне с турецкой общиной острова. В боевые действия на стороне последней вмешалась Турция. В результате страна оказалась разделенной на две части. Несмотря на активные попытки ЕС, преодолеть этот раскол не удалось до сих пор[17].

Данный опыт, к сожалению, не был рационально осмыслен политической элитой Западной Европы. Сейчас на юге Балкан евро-атлантические структуры потворствуют ирредентистскому движению албанских общин Сербии и Македонии. Не за горами попытки практической реализации концепции «великой Албании». При этом нужно учитывать, что албанцы проживают не только в сербском крае Косово и предгорной зоне от македонского города Тетово до Охридского озера. Албанцы составляют пятую часть населения Черногории, компактно проживающего вдоль границ с Албанией; 300 тыс. представителей данного этноса живут на северо-западе Греции. Так что у албанских радикальных националистов широкое «поле деятельности»[18].

Нельзя не вспомнить о том, что ирредентизм сыграл свою печальную роль в сползании мира в пучину Второй мировой войны. Нацистский режим официально боролся за «воссоединение всех немцев». Первой вехой на этом пути стал аншлюс — «воссоединение немецкого народа» путем присоединения Австрии к Германии в марте 1938 г. Затем последовала активизация «борьбы за права» немецкого меньшинства в Судетах, итогом которой стало исчезновение Чехословакии с политической карты Европы весной 1939 г. Формальным поводом к обострению немецко-поль-

---

[16] *Карабахская* война еще не закончена, напоминает премьер-министр Армении//www.rosbalt.ru/2004/01/27/140766.html).

[17] *Christoph von Marschall.* Das cypriotische Problem / Tagesspiegel. 2004. 26 apr.

[18] *Великая* Албания становится реальностью //www.awakening.spb.ru/awakening.nsf/page/tema.html?opendocument&p=2_3&type=viewmes&site=13D7

ских отношений, закончившихся нападением вермахта 1 сентября 1939 г., являлись проблемы немецких общин Силезии и «вольного города» Данцига[19].

Зачастую в качестве внешних сил, стимулирующих сепаратистские движения не только морально, но и финансово, обеспечивающих обработку общественного мнения населения развитых стран в пользу «благородных повстанцев», выступают диаспоры, состоящие из представителей тех или иных меньшинств, проживающих в других государствах. Так, сепаратистское движение «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ), более 30 лет ведущее вооруженную борьбу за отделение севера острова Цейлон (республика Шри Ланка) и создание здесь самостоятельного тамильского государства, ежемесячно получает от американской и европейской тамильской общин свыше 1 млн долларов для поддержки своей деятельности. Значительную помощь соплеменникам предоставляет и население индийского штата Тамилнад, отделенного от зоны действия ТОТИ водами Полкского пролива Бенгальского залива[20].

Неоспорима роль многочисленной ирландской общины США в финансировании и оснащении боевиков ИРА. Без мощной поддержки из-за океана эта организация не смогла бы почти четыре десятилетия успешно противостоять государственным и военным структурам Великобритании[21]. Деятельность чеченских сепаратистов также была бы невозможна без систематической поддержки этнической диаспоры, проживающей в Турции и странах Ближнего Востока.

Этноконфессиональные противоречия являются наиболее типичной, но не единственной причиной возникновения сепаратистских движений. Одна из первых сецессий Нового времени связана с острым конфликтом локального сообщества с центральным правительством на почве систематического игнорирования

---

[19] *Системная* история международных отношений. 1918-1991 гг.: В 4 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1: События. 1918—1945. М., 2000. Гл. 11.

[20] *Тигры* освобождения Тамил Илама//ctaj.elcat.kg/tolstyi/c/c008.htm.

[21] *Мусабеков Р.* Террор не имеет национальности и религии// Эхо. 2001. 15 сент.

социально-экономических интересов. Речь идет о войне североамериканских колоний Великобритании за независимость. Основная масса колонистов была выходцами из Англии и принадлежала к протестантскому вероучению, открыто исповедуемому в метрополии. Но переселенцев не устраивала экономическая политика короны, которая видела в заморских территориях исключительно сырьевой придаток. Практика постоянного увеличения налогов, запретительных мер в отношении местной торговли и промышленности спровоцировала мятеж колонистов. События 1775—1783 гг. представляли собой не только столкновения повстанцев с британскими войсками, но и гражданскую войну внутри сообщества переселенцев. Свыше 30 тыс. человек добровольно вступили в отряды тори или лоялистов (сторонников британского правительства), которые сражались со сторонниками независимости («патриотами»). Сецессия дорого обошлась США: в результате боевых действий население сократилось на четверть; 100 тыс. лоялистов после поражения Великобритании покинули страну[22].

По схожему сценарию развивались события в Латинской Америке, в начале XIX в. вышедшей из состава испанской империи. Гражданская война 1861—1865 гг. в США с формально-правовой точки зрения представляла собой борьбу федерального правительства с попыткой части штатов отделиться в связи с острыми разногласиями социально-экономического характера. В Аргентине вооруженный конфликт между унитаристами и федералистами, связанный с противоположными подходами к государственному устройству, взаимоотношениям между центром и провинциями, продолжался с 1817 по 1831 г.[23]

Противостояние между национальными властями и регионами на почве социально-экономических противоречий не является достоянием истории. В ряде современных государств существуют влиятельные силы, выступающие за отделение локальных сообществ. Как правило, с подобными инициативами выступают представители самых развитых частей страны. Свои сепаратистские настроения они оправдывают нежеланием содержать «пара-

---

[22] *Национализм* и расизм//www.nationalism.org/pioneer/nacion1.htm.
[23] *Умаров А.* Их не признали, но они есть//Новости недели. 2002. 30 сент.

зитов» и «бездельников» из более бедных регионов. В Бразилии дважды — в середине 1970-х гг. и в конце XX в. — население штатов Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул с трудом удалось удержать от проведения референдума о сецессии[24]. Угроза государственной целостности Канады исходит не только от сепаратистов франкоязычного Квебека. Вторая по влиянию политическая организация страны — Партия реформ — включила в свою программу в качестве стратегической цели трансформацию государственного строя из федерации в конфедерацию. Реформисты пользуются максимальной поддержкой в западной части страны, где расположены самые развитые провинции Канады — Британская Колумбия, Альберта, Саскачеван. Это наиболее американизированная часть государства, здесь регулярно выдвигаются предложения о присоединении к южному соседу в качестве новых штатов[25].

В Северной Италии с 1997 г. активно действует Ломбардская лига, или Лига Севера. Ее лидеры выступают за максимальную автономию северных районов страны, которые, по их мнению, являются объектом эксплуатации со стороны «ленивых и криминализированных» южан при помощи «продажных бюрократов из Рима». Сепаратисты Ломбардии в последнее время неоднократно входили в состав правящих коалиций как на провинциальном, так и на национальном уровне[26].

Часто поводом для сепаратизма являются природные ресурсы, в первую очередь энергетические. В конце 60-х гг. прошлого века в Нигерии шла гражданская война, вызванная попыткой населения богатой нефтью провинции Биафра обрести независимость. Сходные причины спровоцировали сепаратистские движения в ангольской провинции Кабинда, индонезийском Ачехе. В Боливии политические группы богатых нефтью и газом провинций Санта-Круз, Пандо, Бени и Тарихо в 2005 г. вынудили центральное правительство начать с регионами переговоры о предоставлении автоно-

---

[24] *Ламби Л., Линдеман Т.* Реформы и децентрализация — уроки Латинской Америки//dialogs.org.ua/ru/print/material/1/3650.

[25] *Захаров А.* Федеративное государство и сепаратизм: канадский вариант // ПОЛИС (Политические исследования). 2002. № 3. С. 129—141.

[26] Лига Севера://italia.polpred.ru/1999/11.htm.

мии[27]. В развитии чеченского кризиса борьба за контроль над добычей нефти также играла важную роль.

Наличие перспективных сырьевых запасов способствует повышению внимания к противостоянию сепаратистов с центральным правительством со стороны «внешних игроков». Они пытаются обеспечить себе преференции в доступе к ресурсам посредством поддержки одного из участников конфликта. За счет нелегальной добычи и сбыта на внешних рынках полезных ископаемых сторонники сецессии получают возможность финансировать свою деятельность. В некоторых странах Африки сепаратизм и контрабанда незаконно добытых алмазов переплелись настолько тесно, что в настоящее время трудно провести четкую границу между политической и криминальной составляющими данного явления. Сепаратистские организации Корсики, Мьянмы, Косово и Таиланда активно участвуют в производстве и распространении наркотиков, нелегальной торговле оружием, похищении людей[28].

Иногда сепаратистские тенденции возникают в условиях масштабного социально-политического кризиса, охватывающего страну. В попытках изолировать локальное сообщество от общенациональной катастрофы население окраин пытается оформить свою независимость. В ходе Гражданской войны в России такую позицию занимали кубанские самостийники. Они надеялись избежать участия в кровопролитной борьбе белых и красных посредством создания собственного казачьего государства. Генерал А.И. Деникин в 1919 г. вынужден был казнить лидеров кубанских сепаратистов, так как их деятельность создавала реальную угрозу развала Добровольческой армии в разгар наиболее ожесточенных сражений. В более мягких формах тенденция к обособлению в 1918—1920 гг. наблюдалась в области Великого войска Донского, среди казачества Семиречья, Амура и Уссури[29].

---

[27] *Газ* — государству, коку — крестьянам // Время новостей. 2005. 20 дек.

[28] http://www.c-asia.org/analit/index.php?cont=long&id=502&year=2004&-today
=11&month=12.

[29] *конецформыначалоформыПричины* и периодизация Гражданской войны //http://wiki.304.ru /index.php.

После Первой мировой войны, когда Германия переживала масштабный революционный кризис 1918—1923 гг., были отмечены попытки местных политических групп осуществить отделение от страны Рейнской области и Саара. В других частях Германии автономистские настроения использовали левые радикалы, провозгласившие создание Баварской советской республики в 1919 г., а осенью 1923 г. пытавшиеся осуществить пролетарскую революцию, опираясь на земельные власти и рабочую милицию Тюрингии и Саксонии[30].

Территориальная изоляция, удаленность части государства от метрополии не только затрудняеют оперативное управление, но и создаеют почву для постепенного нарастания социокультурных и экономических различий между локальными общностями, составляющими население страны. В долговременной перспективе подобные отличия могут стать основой для отделения. По такому сценарию в XX в. получили независимость от Великобритании ее колонии, а затем доминионы Австралия, Южная Африка, Канада и Новая Зеландия. Во всех случаях вышеназванных случаях процесс занял большой промежуток времени и характеризовался использованием всеми заинтересованными сторонами только политических средств. Это нетипично для сепаратистских сил, которые предпочитают вооруженную борьбу, в том числе и террор, всем другим методам.

Подобная приверженность насильственным действиям не случайна. Сепаратисты обычно контролируют только часть локальных сообществ. Поэтому в условиях использования демократических механизмов, в публичном соревновании они не уверены в победе. Значительная часть применяемых сторонниками отделения аргументов носит эмоциональный характер, и призвана ввести массы в истерию. Поддерживать людей в возбужденном состоянии длительное время сложно. Вооруженная борьба позволяет героизировать сепаратистов, а неизбежные ответные меры центрального правительства и его сторонников запускают меха-

---

[30] конецформыначалоформы*Субботин О.Г.* Становление основ федерализма в Веймарской республике (1919-—1923 гг.): Автореф.ерат дис.сертации … на соискание ученой степени канд.идата ист.орических наук. Минск, 2000.

низм взаимной мести. В такой атмосфере рациональные доводы уступают место чувствам, а нарастающее насилие является лучшим инструментом для вербовки новых сторонников.

В последнее время, отчасти на основе анализа происходивших с конца 1980-х гг.одов событий в нашей стране, появилосяь более широкийое взглядпонимание на сепаратизма за счет включениея в это понятие так называемого *регионального сепаратизма* (хотя, на наш взгляд, это совсем иное явление, чем *сепаратизм* как таковой). В политическом смысле сепаратизм стал рассматриваться как стремление к отделению или *обособлению* части государства, созданию нового государства или автономии[31]. При этом автономия определяется как «самоуправление, предоставленное территориально-национальному образованию (краю, области)», как «независимость краевых органов от центра».

Происходившая в конце 1980-х -— начале 1990-х гг. экономическая дезинтеграция СССР, во многом приведшая к политическому распаду государства, нарастала и в Российской Федерации. Во многих автономиях получил распространение политический сепаратизм. Так, 30 августа 1990 г. Верховным Советом Татарской АССР была принята декларация о государственном суверенитете, а в октябре 1991 г. (после августовских событий) парламент республики принял Акт о государственной независимости Татарстана. Осенью 1992 г. в Татарстане была принята Конституция, объявившая об «ассоциированных» отношениях с Российской Федерацией. Руководство этой республики (а также Чечни) отказалось подписывать подготовленный Центром Федеративный договор. Как известно, наиболее далее всегоко «строительство «независимого государства» зашло в Чечне. Но сепаратистские проявления получили распространение и в ряде других автономий.

Поскольку в автономиях имела место как экономическая, так и *этническая* основа попытки их политического обособления, постольку признаки сепаратизма здесь проявлялись достаточно четко. Но о стремлении если не к независимости, то к автономии стали говорить руководители некоторых российских краев и об-

---

[31] *Краткий* словарь политического языка. М., 2002,. С. 250.

ластей («Уральская республика», «Поморская республика»), представители сепаратистски ориентированных политических движений (появились понятия «Область Войска Донского», «Балтийская республика»). Этническая основа здесь отсутствовала, ано было стремление к «экономической самостоятельности (независимости)» регионов, *региональный сепаратизм*.

3. Сепаратизм и региональный сепаратизм в Калининградской области

В первой половине 1990-х гг., в период ослабления российской государственности, возникли многочисленные концепции, связанные с изменением политического статуса Калининградской области. Все они имели конечной целью обособление области от России. Среди нихэтих концепций были:

- переселение в область российских немцев и преобразование ее в Балтийскую немецкую республику в составе России;
- передача области Польше и (или) Литве;
- возврат области Германии;
- воссоздание Восточной Пруссии (на этот раз суверенной) на бывших прусских землях, находящихся ныне в составе России, Польши и Литвы;
- установление над областью кондоминиума — совместного управления при разных вариантах участников (среди них назывались Европейский Ссоюз, Россия, Германия, Польша, Литва, Швеция);
- превращение области в четвертое независимое Прибалтийское государство[32].

Первоначальные предложения спредставителей Запада о будущем развитии региона не основывались на научных исследованиях, а носили скорее характер деклараций о намерениях. Так, в

[32] См.: *Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* Калининградские альтернативы. / Калинингр. ун-т. Калининград,: Изд-во Калинингр. ун-та, 1996.

начале 1988 г. член наблюдательного совета «Дойче банка» (ФРГ) В. Кристианс предложил советскому правительству в качестве далеко идущего российско-немецкого совместного предприятия организовать особую промышленную зону «К» (и «Калининград», и «Кеёнигсберг») с налоговыми и инвестиционными привилегиями[33]. Предложения о «Калининградской промышленной зоне» с особыми инвестиционными и налоговыми льготами для фирм ФРГ и, на более позднем этапе, других государств были опубликовалисьны в российской прессе[34]. Эти предложения напрямую не были реализованы, но способствовали популяризации идеи зоны свободного предпринимательства (позднее СЭЗ «Янтарь»).

Первой попыткой комплексного изучения региона зарубежными специалистами сталаявлялась работа фирмы IEDC (International economical development corporation) США по договору с руководством области и города Калининграда, заключенному в 1991 г.. Суть предложений, сформулированных в отчете по результатам исследования «перспектив восстановления экономики Калининградской области» (февраль 1992 г.), — установление экономического контроля над областью регионом путем создания корпорации экономического развития под международным патронажем, с функциями осуществления инвестиционной политики и, главное, обеспечения ускоренной приватизации.

Идеи создания финансовой корпорации для развития области с иностранным участием и даже контролем господствуют и во многих других концепциях. Так, Штольц (Германия) в своей разработке (1992 г.) среди различных вариантов наиболее эффективным считает установление над областью протектората Европейского Ссообщества.

Доклад международной группы исследователей по заказу Совета Эстонии «Ганзейский регион Прибалтики» (1992 г.) предлагал вхождение ввести областиь в прибалтийское сообщество, включающее Эстонию, Латвию, Литву и «еврорегион “Кёенигсберг”». Сама по себе идея экономической интеграции заслуживает внимания. Но разработчики доклада обосновывают попытку

---

[33] *Christians F. Wilhelm.* Wege nach Russland. Hamburg, 1990. S. 180.
[34] *Кристианс В.* Особая промышленная // Новое время. 1989. № 37. С. 24.

отрыва Калининградской области от России, создание «еврорегиона “КенигсбергаКёнигсберг”». Это выгодно, может быть, государствам Прибалтики, поскольку они, согласно докладу, собираются развивать свою экономику прежде всего за счет посреднических функций по обслуживанию внешнеэкономических связей Российской Федерации. А Калининградская область как ее полноценная часть -— более серьезный конкурент в выполнении этих функций, чем «еврорегион “Кеёнигсберг”». Но отрыв от России невыгоден ни Калининграду, ни стране в целом, и потому любая подобная концепция неприемлема для Российской Федерации.

Имелись и предложения (в духе финансовой корпорации, предлагавшейся IEDC) и *российских исследовательских групп* о создании монополии в сфере финансирования регионального развития. Центр политической конъюнктуры России предлагал региональное звено государственного управления оформить какв «российские государственные концерны» (РГК) в форме акционерных обществ закрытого типа. Объекты их владения — земельные участки, природные ресурсы и полезные ископаемые, федеральные и региональные пакеты акций приватизированных госпредприятий, здания и иные капитальные сооружения федеральной и региональной собственности. А часть акций РГК предлагалось выделить в «государственную собственность сопредельных государств и ввести представителей их правительств в состав Дирекции РГК», что якобы «создаст прецедент международного управления территорией без какого-либо ущемления государственного суверенитета России»[35].

В настоящее время подобные предложения стали не столь одиозными по форме, однако по сути их содержание мало изменилось. В подходе к области со стороны многих западных авторов превалируют политические аспекты, преувеличиваются недостатки и трудности развития, утверждается потенциальная конфликтогенность региона[36]. В качестве решения предлагается

---

[35] *Концепция* регионального развития Калининградской области Российской Федерации // Центр политической конъюнктуры России. М., 1994. (Рукопись). С. 28, 116.

[36] См.: *Wellmann Chr.* Kaliningrad als Konfliktsyndrom // Die Friedens-Warte (Berlin) 2000. № 3—4. S. 391—406.

более активная экономическая интеграция региона в балтийское экономическое пространство, создание международной инвестиционно-финансовой корпорации под зарубежным контролем (иногда — при участии России), быстрейшая адаптация экономики области к нормам ЕС и пр.[37].

Основания к таким предложениям могут формулироваться, например, следующим образом: Россия не обладает ресурсами для поддержки жизнедеятельности и развития эксклавного региона, и «объективная действительность не оставляет Калининграду иного выбора, кроме *преимущественной ориентации на Европу*»[38]. Содержание идеи пилотного проекта — это «путь экспортно-ориентированной интеграции в экономическое пространство ЕС»[39].

«Кильская международная целевая группа экспертов по Калининграду», также отстаивающая идею «пилотного региона», предлагает «создать совместную систему управления, адекватную реализации трансформации КО в пилотный регион». Для финансирования регионального развития (в дополнение к якобы неэффективно расходуемым средствам, выделяемым Калининграду из федерального бюджета) предлагается создать Калининградский фонд развития, в первую очередь странами-участниками «Северного измерения» с мобилизацией 40 млн евро ежегодно в течение 5—6 лет[40].

С тех же позиций нежизнеспособности экономики области исходит группа исследователей, разработавших концепцию *«интеграции Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский союз»*. Авторы концепции утверждают, что «Кали-

---

[37] В частности, речь идет о концепции «пилотного региона», которая разработана и продвигается Институтом «Восток-Запад», Калининградским агентством регионального развития и другими организациями, включая группу экспертов, объединившихся в Ассоциацию международных экспертов по вопросам развития Калининградской области.

[38] *Смородинская Н.* Калининградский эксклав: перспектива трансформации в пилотный регион. М.: Институт экономики РАН, 2001. С. 36.

[39] *Смородинская Н.В., Жуков С.В.* Калининградский анклав в Европе: заплыв против течения. Диагностика состояния и возможностей экономического развития. М.: Институт Восток-Запад, 2003.

[40] *В фокусе* — Калининград. Политические рекомендации с точки зрения разрешения проблем // *SCHIFF-texte* Nr 67/ russisch. 2002. С. 22.

нинградская область тяжело “больна” и уже находится в стадии “реанимации”»[41]. Регион, по их мнению, уже за пределами российского экономического пространства и в силу объективных обстоятельств вынужден встраиваться «маленьким островком в экономическое пространство Запада». Однако этому мешает международно-правовая изоляция области от остальной Европы.

К тому же авторы полагают, что «в правовом плане Россия Калининградской областью никогда не владела и никаких правовых полномочий на это владение никогда не получала»; «юридически Германия за все эти годы не потеряла суверенитета над Кёнигсбергом (Калининградом), а СССР и Россия не приобрели его за эти годы»[42].

Авторы концепции приходят к следующему выводу: «Если Россия не справляется со своими обязательствами по отношению к жителям Калининградской области по созданию уровня жизни, сопоставимого с европейским, то найдутся другие государства и союзы государств, которые готовы выполнить эти задачи лучше и эффективнее»[43].

Похожие идеи попали даже в вузовские учебники. Автор учебника по геополитике Н.А. Нартов пишет: «В российских стратегических интересах (при нынешней беспомощности цен-

---

[41] Данная концепция наиболее полно изложена в монографии: *Городилов А.А., Дударев М.С., Каргополов С.Г., Куликов А.В.* XXI век: интеграция Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский союз. Калининград, 2003. Книга является продолжением предыдущих работ указанных авторов: *Городилов А.А.* Россия в центре Европы. Калининград: Запад России, 1998; *XXI век:* Свободная зона и особый статус: Монография / Городилов А.А., Гомин А.П., Каргополов С.Г., Куликов А.В. Калининград: Янтарный сказ, 2001; *XXI век:* Формирование правовых основ экономической деятельности субъектов Российской Федерации: Монография / Городилов А.А., Гомин А.П., Дударев М.С., Куликов А.В. Калининград: Янтарный сказ, 2002.

[42] *Городилов А.А., Дударев М.С., Каргополов С.Г., Куликов А.В.* XXI век: интеграция Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский союз. Калининград, 2003. С. 243, 305.

[43] Там же. С. 418.

тра), если придется выбирать из двух зол, целесообразнее продать область Германии, пойти на сближение с ней»[44].

На правительственном уровне со стороны Германии, Польши, Литвы и других государств сомнений в государственной принадлежности и политическом статусе Калининградской области не высказывается. Однако отдельные политики и политические группы, включая парламентских представителей, обозначили свою особую позицию по отношению к эксклавному российскому региону.

Так, осенью 2004 г. 70 депутатов фракции ХДС/ХСС в германском бундестаге подали в правительство ФРГ запрос «О будущем Кенигсбергской области», включающий следующие вопросы:

— «Как правительство ФРГ оценивает идею создания литовско-российско-польского еврорегиона, который географически совпадал бы с исторической областью Восточной Пруссии?»

— «Как оценивает правительство ФРГ идею о том, чтобы назвать этот регион “Пруссией”?»

— «В какой степени экстенсивное использование Кенигсбергской области в военных целях является препятствием для развития Кенигсберга как экономического пространства, в особенности для развития в нем туризма?»

В ответ на выражение Россией озабоченности в связи с содержанием запроса немецкая сторона заявила, что ее «неправильно поняли»[45].

При сейме Литовской Республики действует общественная организация «Совет по делам Малой Литвы» (под Малой Литвой понимается территория Калининградской области). Ее представителями Калининград называется Караляучусом (в Польше есть «эксперты», называющие Калининград Кролевцем), а главное направление их деятельности — теоретическое и идеологическое обоснование незаконности владения Россией Калининградской областью.

Региональный сепаратизм часто рассматривается как стремление регионов получить больше властных полномочий. Исходя из такого понимания проблемы, «Московский комсомолец» пишет о наличии регионального сепаратизма в Калининградской области, поскольку «областные чиновники и парламентарии от-

---

[44] *Нартов Н.А.* Геополитика. Учебник. М.:ЮНИТИ, 1999. С. 207; 2-е изд., 2002. С. 247.

[45] http://old.russ.ru/culture/20050112_ser.html

крыто говорят: регион у нас нестандартный, и нам нужны особые полномочия». В качестве реакции со стороны федерального Центра на то, что «в отрезанном от остальной территории России анклаве неизбежен рост сепаратистских настроений», и на стремления «интегрироваться в соседний Европейский союз» приводится якобы обсуждавшаяся идея о слиянии Калининградской и Ленинградской областей. Оценивается, что «предложенный метод решения проблемы способен лишь завести ситуацию в тупик. Контроль Центра над Калининградом фактически усилен не будет. Все силовые структуры области и так находятся под плотной опекой Москвы. А вот резкая отрицательная реакция со стороны калининградцев гарантирована. И идеи сепаратизма мгновенно завоюют огромную популярность»[46].

В качестве примера нагнетания напряженности по проблеме регионального сепаратизма можно привести бурную реакцию СМИ на идею «заграничной территории», которая появилась в печати весной 2005 г. Едва успев возникнуть, это понятие сразу было поставлено журналистами в один ряд с давно зачисленными в сепаратистские терминами «особый статус», «Балтийская республика» и пр. При этом речь не шла о содержании понятия — таковое придавалось ему самими авторами статей.

Наиболее последовательно идею особого статуса области отстаивает С.А. Пасько, организовавший в 1992 г. «Балтийскую республиканскую партию» (БРП), зарегистрированную в отделе юстиции администрации калининградской области 1 декабря 1993 г.). Эта партия имеет свой печатный орган — газету «Деловая жизнь». В «Конституции Балтийской республики», опубликованной на сайте БРП, в частности, декларировано: «Балтийская республика есть суверенное демократическое правовое государственное образование с республиканской формой правления, являющееся субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией» (ст. 1); «Столицей Республики является город Кёнигсберг (с. 67 п. 2)»[47].

---

[46] Московский комсомолец. 2004. 23 янв. http://kominarod.bip.ru/ php/ news/archnew.phtml?id= 6279&idnew=41878&start=595

[47] http://www.enet.ru/~baltia/index.html

После принятия федерального закона, регулирующего образование и деятельности политических партий, как существующая только в одном регионе, эта «партия» оказалась вне правового поля, и в 2005 г. ее деятельность приостановлена. Но в этом же году деятельность С.А. Пасько и возглавляемой им группы активизировалась. Вместе с несколькими депутатами Областной думы им был созван учредительный съезд движения «Республика», состоявшийся 21 февраля 2005 г. На него пришли, по оценкам, около 300 человек[48]. (Именно это число часто называлось в СМИ и раньше при оценках численности сторонников БРП.)

В программном заявлении движения говорится «о необходимости принятия Калининградской областной думой закона «О созыве конституционного совещания», представителям которого население области поручит выработку и принятие статуса и Основного закона области, включая определение системы органов государственной власти. Это позволит заключить договор о разграничении полномочий, что приведет к увеличению доходов региона за счет более справедливого распределения налоговых сборов, а также доходов от добычи природных ресурсов между федеральным Центром и нашим субъектом РФ»[49].

В качестве официального символа движения был использован оранжевый флаг (в комментариях, как отмечает «Время новостей», С.А. Пасько отрицал связь оранжевого цвета с событиями на Украине). В качестве цели движения рассматривается проведение в области референдума с тем, чтобы внести изменения в Конституцию России, которые превратили бы регион в 22-ю республику в составе Российской Федерации. При этом С.А. Пасько утверждает: «Мы никакие не сепаратисты, а будущее Калининградской области в качестве Балтийской республики видим исключительно в составе России. Правда, с расширенными полномочиями во взаимоотношениях с Западом»[50]. Он настаивает, что предприниматели (С.А. Пасько является главой регионального Союза предпринимателей, включающего некоторую часть пред-

---

[48] *Призрак* «янтарной революции» // Время новостей. 2005. 22 марта. http://www.blotter.ru/news/article00C9F00018/default.asp

[49] http://www.enet.ru/~baltia/index.html

[50] Там же.

ставителей регионального бизнеса) ни в коем случае не могут быть сепаратистами. Ведь «отделившись от России, они создадут самим себе дополнительный таможенный барьер, ограничат рынок сбыта продукции и услуг»[51].

[51] http://www.enet.ru/~kc/aktkbg/MEDIA/2002/akm_kalpr0803b.htm

4. Социологические обследования калининградского социума

Генеральный директор исследовательской группы ЦИРКОН И. Задорин на основе проведенного в октябре — декабре 2004 г. исследования, охватившего 8 тыс. респондентов, утверждает, что уровень сепаратизма «специально драматизируется западными СМИ», но реально он очень мал. Вместе с тем большинство калининградцев считает, что у Калининградской области должен быть особый статус: 39% опрошенных полагают, что статус области должен отличаться от статуса других областей, 23% полагают, что региону должны быть предоставлены широкие, в том числе экономические, возможности и полномочия. Только 22% не считают необходимым менять существующий статус области. Но одновременно 64% калининградцев считают, что федеральный Центр должен оказывать области масштабную финансовую помощь и 23% полагают, что помощь должна быть на уровне других регионов[52].

В то же время газета «Коммерсантъ»[53] приводит данные социологического опроса, согласно которым почти 60% опрошенных моложе 28 лет готовы отделиться от России.

Различаются и данные о частоте поездок жителей области в другие регионы страны. Так, результаты исследования группы ЦИРКОН подтверждают, что связь области с остальной террито-

[52] http://www.oreanda.ru/ru/news/20050202/common/events/other/article77531/
[53] Коммерсантъ. 2004. № 46.

рией РФ существенно затруднена. Опрос показал, что 28 % калининградцев ни разу не выезжали в другие регионы России, 25 % — выезжали, но до 1991 г., 27 % за последние 10 лет были в «большой России» несколько раз, 12 % бывает в других регионах страны примерно раз в год, и 4 % — несколько раз в год[54].

По данным опроса Калининградского социологического центра, цифры несколько менее впечатляющи: 13 % калининградцев ни разу не были в других регионах России, еще 33 % не выезжали туда после 1991 г. В то же время высока доля жителей области, выезжавших в соседние Польшу и Литву за последние 5—7 лет: 28 %[55].

При проведении социологических обследований для получения достоверных данных важны многие обстоятельства. И первое из них — формулировка вопросов, на которые отвечают респонденты. Приведем варианты ответа, предложенные в одной из анкет для ответа на вопрос: «Какое из высказываний людей, живущих сейчас в Калининградской области, подходит Вам больше всего?». Для прибывших в область из других регионов страны предлагается три варианта: «родился не здесь, не чувствую себя здесь как дома, это не мой дом, не моя земля», «родился не здесь, но уже привык, жить можно», «родился не здесь, но чувствую себя здесь как дома, это мой дом, моя земля». Сколько же нужно признать отрицаний «не», чтобы дать первый вариант ответа? Не удивительно, что только 7 % опрошенных выбрали этот вариант. Но еще более показательно, что для уроженцев области подготовлен только один вариант ответа: «родился здесь, для меня это родная земля, я здесь дома» (правда, есть еще «другое» и «затрудняюсь ответить»)[56]. Вряд ли по результатам подобных обследований можно сделать объективные выводы.

Ниже мы остановимся на оценке основных результатов, полученных в ходе обследований, проводившихся РГУ им. И. Канта.

---

[54] http://www.oreanda.ru/ru/news/20050202/common/events/other/article77531/

[55] «Сами мы не местные…» / Советник Президента. http://www.zircon.ru/russian/ publication/1/02112800.shtml

[56] Там же.

Социальная идентичность

Результаты обследований 2001—2004 гг. (табл. 1) показывают незначительную долю идентификации опрошенных с общностями «европеец» и «гражданин мира». Причем обследование 2004 г. по сравнению с предыдущими показывает особенно малую долю идентифицировавших себя с этими социально-территориальными общностями. Полученные данные дают основание утверждать, что самоидентификация жителей Калининградской области далека от того, чтобы считать их в большей мере «европейцами», чем жителей других российских регионов.

Таблица 1

Динамика идентификации с социально-территориальными общностями, 2001—2004 гг. (в %)

Социально-территориальная общность	2001	2003	2004
Локальная общность (я — калининградец, советчанин и т.д.)	32,2	27,5	40,0
Регион (я — житель Калининградской области)	28,0	21,2	19,9
Страна как целое (я — житель России)	24,6	31,5	32,5
Европа (я — европеец)	2,6	7,6	2,4
Мир как целое (я — гражданин мира)	6,6	6,7	4,1
Не знаю	5,5	6,7	1,0

Обследование 2005 г. имело несколько иные варианты ответов на аналогичный вопрос, поэтому его результаты нельзя прямо сопоставить с предыдущими обследованиями. Согласно полученным в 2005 г. данным, в структуре социальной идентичности жителей Калининградской области доминирующее положение занимает российская идентичность. В первую очередь считают себя россиянами 41,0 % опрошенных, а европейцами — 5,8 %.

По совокупности трех выборов российская идентичность набирает 76,8 % голосов респондентов. Второй по значимости яв-

ляется региональная идентичность: 70,2% опрошенных считают себя жителями Калининградской области в первую, вторую или третью очередь. Третье место по сумме трех выборов занимает локальная идентичность: 54,8% жителей региона идентифицируют себя с местным сообществом. Значимое место в структуре социальной идентичности россиян принадлежит этнической идентичности (46,6% респондентов хотя бы один раз из трех назвали себя представителями своей нации, народности, причем 16,4% ощущают себя людьми своей национальности в первую очередь). Европейская идентичность наименее выражена у жителей региона, хотя и значима для одной пятой опрошенных (табл. 2).

Таблица 2

Социальная идентичность жителей региона (в %)

Принадлежность к какой из следующих групп Вы ощущаете?	В первую очередь	В вторую очередь	В третью очередь	Сумма выборов
Я ощущаю свою принадлежность к общности жителей той местности, города, села, где живу сейчас. Я — калининградец / черняховец / …	14,8	12,2	28,0	54,8
Для меня важнее причастность к жителям того региона, в котором я живу. Я — житель Калининградской области	14,2	34,8	21,4	70,2
Я — россиянин, житель России, гражданин Российской Федерации	41,0	22,8	14,2	76,8
Я ощущаю себя жителем Европы. Я — европеец	5,8	6,2	8,8	20,6
Я ощущаю себя представителем своей нации, народности. Я — русский /…	16,4	14,6	15,6	46,6
Затрудняюсь ответить	7,8	9,4	12,0	12,0

Локальная идентичность в несколько большей степени выражена у жителей малых городов (60,7 % по сумме трех выборов) и сел (60,3 %) региона. Для сельчан также в значительно большей степени важна этническая идентичность (62,8 % по суме трех выборов против 46,6 % средних по выборке), менее важна европейская: 14,9 % против 21—23 % по городскому населению (табл. 3).

Таблица 3

Социальная идентичность жителей населенных пунктов разного типа по сумме трех выборов (в %)

Социальная идентичность	Тип населенного пункта			
	Калининград	Малый город	Село	Вся выборка
Локальная общность	48,0	60,7	60,3	54,8
Региональная общность	64,6	80,0	68,6	70,2
Россия	78,2	82,7	66,9	76,8
Европа	23,1	21,3	14,9	20,6
Этническая общность	43,2	38,7	62,8	46,6
Затрудняюсь ответить	14,0	8,0	13,2	12,0
Итог по значениям	271,2	291,3	286,8	281,0

Различия в структуре социальной идентичности жителей региона разного возраста в целом незначительны. Наиболее заметны они по этнической и европейской составляющим. Чем старше респонденты, тем реже они идентифицируют себя как европейцев: суммарный показатель европейской идентичность снижается с 29,5 % по группе респондентов младше 30 лет до 7,0 % по старшей (от 60 лет) возрастной группе. Этническая идентичность наиболее выражена у респондентов от 60 лет и старше: суммарный показатель составляет 71,8 % против 46,6 % в среднем по выборке (табл. 4).

Русские по национальности респонденты чаще идентифицируют себя с россиянами, нежели представители других национальностей (соответственно 80,3 и 64,2 % по сумме трех выборов), и реже — с европейцами (18,2 и 29,4 %) (табл. 5).

Таблица 4

Социальная идентичность жителей региона по возрастным группам по сумме трех выборов (в %)

Социальная идентичность	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Локальная общность	56,3	55,8	54,0	52,2	53,5	54,8
Региональная общность	66,7	74,0	71,0	76,8	67,6	70,2
Россия	74,9	76,6	74,0	78,3	84,5	76,8
Европа	29,5	24,7	16,0	13,0	7,0	20,6
Этническая общность	41,0	33,8	49,0	46,4	71,8	46,6
Затрудняюсь ответить	10,4	15,6	14,0	14,5	7,0	12,0
Итог по значениям	278,7	280,5	278,0	281,2	291,5	281,0

Таблица 5

Социальная идентичность жителей региона по национальности по сумме трех выборов (в %)

Социальная идентичность	Национальность		
	Русский	Другая	Вся выборка
Локальная общность	56,8	47,7	54,8
Региональная общность	72,1	63,3	70,2
Россия	80,3	64,2	76,8
Европа	18,2	29,4	20,6
Этническая общность	47,6	43,1	46,6
Затрудняюсь ответить	9,5	21,1	12,0
Итог по значениям	284,4	268,8	281,0

Жители области, проживающие здесь с рождения или с советского времени, чаще идентифицируют себя со страной, регионом и локальным сообществом — по сравнению с мигрантами постсоветского времени. Последние чаще отождествляют себя с Европой и этнической общностью (табл. 6).

Таблица 6

Социальная идентичность коренных жителей региона и мигрантов постсоветского времени (в %)

Социальная идентичность	С какого года Вы проживаете в Калининградской области?		
	С рождения или с советского времени	Мигранты постсоветского времени	Вся выборка
Локальная общность	56,8	41,5	54,8
Региональная общность	71,7	60,0	70,2
Россия	78,4	66,2	76,8
Европа	17,9	38,5	20,6
Этническая общность	45,3	55,4	46,6
Затрудняюсь ответить	11,3	16,9	12,0
Итог по значениям	281,4	278,5	281,0

Миграционные намерения жителей региона

Калининградская область представляется ее жителям как регион с более благоприятными условиями жизни по сравнению с другими российскими регионами. Правда, по данным специального обследования 2004 г. (табл. 7), в России и в области доля считающих ситуацию хорошей почти одинакова низка, а катастрофической — практически одинакова высока. Зато нормальной ситуацию в области считают больше опрошенных — 34 % (в России — 29 %), а кризисной — меньше, 46 % (в России — 52 %).

Таблица 7

Оценка ситуации в области и России в целом (в %)

Оценка ситуации	Оценка ситуации	
	В области	В России
Хорошая	1,5	1,3
Нормальная	33,8	28,8
Кризисная	46,4	52,1
Катастрофическая	9,5	8,4
Затруднились ответить	8,8	9,3

То, что жители области оценивают ситуацию в регионе как более благоприятную по сравнению с другими регионами страны, подтверждают также данные таблицы 8. На вопрос о том, переехали ли бы респонденты в другие регионы страны при представившейся возможности, «да» ответили 9,6 % респондентов, «скорее да, чем нет» — 9,4 %[57]. В то же время половина опрошенных ответили, что они, с большей или меньшей степенью уверенности, желали бы переехать в Калининградскую область, если бы проживали в другом регионе страны (на соответствующий вопрос «да» ответили 28 %, «скорее да, чем нет» — 21 %).

Таблица 8

Готовность к переезду в Калининградскую область или отъезду из нее в другие регионы России (в %)

Варианты ответа	Представьте себе, что у Вас есть возможность переехать из Калининградской области в другой регион России. Переехали бы Вы?	Представьте себе, что Вы живете в другом регионе России. Переехали бы Вы жить в Калининградскую область?
Да	9,6	28,2
Скорее да, чем нет	9,4	21,2
Скорее нет, чем да	18,8	20,8
Нет	59,8	18,2
Затрудняюсь ответить	2,4	11,6

При обследовании 2005 г. (при более конкретной постановке вопроса о намерении выехать из области) 11 % опрошенных жителей региона сообщили, что имеют определенные намерения покинуть Калининградскую область и перебраться в другие места: 5 % — в другой регион России, 6 % — в другую страну. Определенно не собираются мигрировать из области 72,8 % участников опроса; 16,2 % опрошенных затруднились ответить на этот вопрос — это может означать как отсутствие устойчивого мнения, так и наличие желания, но отсутствие возможности эмигрировать из Калининградской области либо из России.

[57] Сейчас ежегодно из области в другие регионы России выбывает около 14 тыс. человек, прибывает — 16 тыс.

Наиболее низкий уровень миграционных настроений характерен для старшей возрастной группы: среди респондентов от 60 лет и старше доля собирающихся уехать из региона (в другой российский регион) составляет только 1,4%; крайне низка в этой группе доля «сомневающихся» — 1,4%. Чем моложе респонденты, тем сильнее у них миграционные намерения: в младшей возрастной группе число желающих уехать из области достигает 20,8%, еще 20,2% не определились в своем решении (табл. 9).

Таблица 9

Миграционные настроения жителей региона по возрастным группам (в %)

Собираетесь ли Вы покидать эти места, переезжать в другие регионы России или в другие страны?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Да, я определенно собираюсь уехать из Калининградской области в другой регион России	8,2	5,2	3,0	2,9	1,4	5,0
Да, я определенно собираюсь уехать из Калининградской области в другую страну	12,6	5,2	2,0	1,4	0,0	6,0
Нет, я не собираюсь покидать Калининградскую область	59,0	66,2	83,0	76,8	97,2	72,8
Затрудняюсь ответить	20,2	23,4	12,0	18,8	1,4	16,2

У людей с более высоким уровнем образования миграционные намерения выражены сильнее: доля определенно собирающихся покинуть Калининградскую область среди респондентов со средним специальным и высшим образованием составляет 9,4—9,6%, среди студентов достигает 25,6%, тогда как по остальным группам находится на уровне 2,5—3,7%.

Существенные различия в уровне миграционных настроений наблюдаются по респондентам русской (8,7% собирающихся покинуть область) и других национальностей (19,2%, в том числе

12,8 % — в другую страну), а также коренным жителям (9,0 %) и мигрантам постсоветского времени (24,6 %).

Наиболее ориентированы на миграцию из региона респонденты с сильно выраженной европейской идентичностью (27,5 % планирующих уехать из области) и этнической идентичностью (23,2 %), наименее — с ярко выраженной локальной идентичностью (4,1 %) (табл. 10).

Таблица 10

Миграционные намерения в связи с социальной идентичностью респондентов (в %)

Собираетесь ли Вы покидать эти места, переезжать в другие регионы России или в другие страны?	Принадлежность к какой из следующих групп Вы ощущаете в первую очередь?					
	Я ощущаю свою принадлежность к общности жителей той местности, города, села, где живу сейчас. Я — калининградец / черняховец / …	Для меня важнее причастность к жителям того региона, в котором я живу. Я — житель Калининградской области	Я — россиянин, житель России, гражданин Российской Федерации	Я ощущаю себя жителем Европы. Я — европеец	Я ощущаю себя представителем своей нации, народности. Я — русский / …	Вся выборка
Да, я определенно собираюсь уехать из Калининградской области в другой регион России	1,4	5,6	3,4	10,3	9,8	5,0
Да, я определенно собираюсь уехать из Калининградской области в другую страну	2,7	2,8	3,9	17,2	13,4	6,0
Нет, я не собираюсь покидать Калининградскую область	75,7	70,4	80,0	41,4	73,2	72,8
Затрудняюсь ответить	20,3	21,1	12,7	31,0	3,7	16,2

Отношение к эксклавности региона

Большинство жителей региона обеспокоены его эксклавным положением, оторванностью от России: 32% очень обеспокоены, 43,8% обеспокоены в некоторой степени. Сельчан эта проблема беспокоит несколько меньше: доля сельского населения, совершенно не обеспокоенного эксклавным положением области, составляет 28,9%, тогда как аналогичный показатель по городскому населению — 19,2% в Калининграде и 22,7% в малых городах (табл. 11).

Таблица 11

Обеспокоенность эксклавным положением региона по типам населенных пунктов (в %)

Беспокоит ли Вас эксклавное положение нашего региона, территориальная оторванность области от России?	Тип населенного пункта			
	Калининград	Малый город	Село	Вся выборка
Совершенно не беспокоит	19,2	22,7	28,9	22,6
Беспокоит в некоторой степени	48,0	40,7	39,7	43,8
Очень беспокоит	31,9	34,0	29,8	32,0
Затрудняюсь ответить	0,9	2,7	1,7	1,6

Старшее поколение обеспокоено территориальной оторванностью Калининградской области от России в большей мере: доля очень обеспокоенных данной проблемой возрастает с 25,7% в группе респондентов в возрасте от 18 до 29 лет до 42,3% в возрастной группе 60 лет и старше (табл. 12).

Таблица 12

Обеспокоенность эксклавным положением региона в разных возрастных группах (в %)

Беспокоит ли Вас эксклавное положение нашего региона, территориальная оторванность области от России?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Совершенно не беспокоит	27,9	24,7	18,0	17,4	18,3	22,6
Беспокоит в некоторой степени	44,8	44,2	48,0	40,6	38,0	43,8
Очень беспокоит	25,7	29,9	32,0	40,6	42,3	32,0
Затрудняюсь ответить	1,6	1,3	2,0	1,4	1,4	1,6

Некоторые различия в степени обеспокоенности эксклавностью региона обнаруживаются между коренным населением (людьми, проживающими в Калининградской области с рождения либо попавшими сюда в советское время) и мигрантами постсоветского времени. Среди последних доля совершенно не обеспокоенных территориальной оторванностью области от остальной территории страны в полтора раза выше: 32,3 % против 21,1 % (табл. 13).

Таблица 13

Обеспокоенность эксклавным положением региона коренных жителей и мигрантов (в %)

Беспокоит ли Вас эксклавное положение нашего региона, территориальная оторванность области от России?	С какого времени Вы проживаете в Калининградской области?		
	С рождения или с советского времени	Мигранты постсоветского времени	Вся выборка
Совершенно не беспокоит	21,1	32,3	22,6
Беспокоит в некоторой степени	45,1	35,4	43,8
Очень беспокоит	32,0	32,3	32,0
Затрудняюсь ответить	1,8	0,0	1,6

Мигранты постсоветского времени, перебравшиеся в Калининградскую область из других российских регионов, других республик бывшего СССР и других стран, по-разному относятся к проблеме эксклавности региона. Доля тех, кого эксклавное положение области совершенно не беспокоит, составляет 11,1 % по подвыборке переселенцев из России и 40,4 % — по мигрантам из других регионов и стран (табл. 14).

Различия в отношении к эксклавности наблюдаются по национальным группам — между русским жителям региона и представителями других национальностей: последние в полтора раза чаще спокойно воспринимают оторванность области от России (табл. 15).

Таблица 14

Обеспокоенность эксклавным положением региона мигрантов постсоветского времени (в %)

Беспокоит ли Вас эксклавное положение нашего региона, территориальная оторванность области от России?	Из какого региона, республики, страны Вы приехали в Калининградскую область?		
	Россия	Другие республики бывшего СССР, другие страны	Вся выборка
Совершенно не беспокоит	11,1	40,4	32,3
Беспокоит в некоторой степени	66,7	23,4	35,4
Очень беспокоит	22,2	36,2	32,3

Таблица 15

Обеспокоенность эксклавным положением региона жителей разных национальностей (в %)

Беспокоит ли Вас эксклавное положение нашего региона, территориальная оторванность области от России?	Национальность		
	Русский	Другая национальность	Вся выборка
Совершенно не беспокоит	20,7	29,4	22,6
Беспокоит в некоторой степени	45,0	39,4	43,8
Очень беспокоит	32,2	31,2	32,0
Затрудняюсь ответить	2,0	0,0	1,6

Мнение о будущем статусе региона

В целом по выборке две трети опрошенных высказывают достаточно стандартное мнение относительно возможного статуса Калининградской области: 44,4% хотели бы видеть ее областью с правами особой экономической зоны, 19,2% — обычной областью в составе Российской Федерации.

Более пятой части респондентов демонстрируют настроения, отражающие недовольство ситуацией в регионе и неудовлетво-

ренность недостаточной помощью области со стороны федерального Центра. Реакцией на это является то, что 10,2% жителей региона утверждают, что они хотели бы видеть область независимым государством, 8% — территорией, находящейся в совместном управлении РФ и ЕС, 3,6% — регионом в составе другого государства (как варианты респондентами были предложены Германия, Литва, Украина, Евросоюз в целом). По сравнению с обследованиями 2001 и 2003 гг. общая доля таких ответов снизилась, но по отношению к 2004 г. несколько возросла (что можно связать с неопределенностью положения в начале декабря 2005 г., когда был принят новый Закон об ОЭЗ, а также с усложнениями условий транспортных связей с основной территорией страны).

Динамику распределения ответов по результатам обследований 2001—2005 гг. отражает таблица 16.

Таблица 16

Статус области в будущем, динамика мнений в 2001—2005 гг. (в %)

<table>
<tr><th>Желательный статус области в будущем</th><th>2001</th><th>2003</th><th>2004</th><th>2005</th></tr>
<tr><td>Независимое государство</td><td>11,1</td><td>10,8</td><td>7,2</td><td>10,2</td></tr>
<tr><td>Территория в совместном управлении РФ и ЕС</td><td>14,5</td><td>19,8</td><td>6,2</td><td>8,0</td></tr>
<tr><td>Республика в составе России</td><td>15,8</td><td>14,3</td><td>7,6</td><td>9,8</td></tr>
<tr><td>Область РФ с правами ОЭЗ</td><td>39,3</td><td>34,4</td><td>46,6</td><td>44,4</td></tr>
<tr><td>Область в составе РФ</td><td>10,3</td><td>14,1</td><td>29,8</td><td>19,2</td></tr>
<tr><td>Регион в составе другого государства</td><td rowspan="2">8,4</td><td rowspan="2">6,6</td><td rowspan="2">2,6</td><td>3,6</td></tr>
<tr><td>Другое; затрудняюсь ответить</td><td>4,8</td></tr>
</table>

Различия между мнениями жителей населенных пунктов разного типа незначительны (табл. 17).

Традиционный взгляд на возможный статус области в большей мере характерен для респондентов старших возрастов: доля сторонников варианта «обычная область в составе РФ» возрастает с 10,9% в группе самых молодых респондентов до 43,7% в старшей возрастной группе. И наоборот: более молодые респонденты чаще склоняются в пользу вариантов «независимое государство» (табл. 18).

Таблица 17

Возможный статус Калининградской области в будущем (по типам населенных пунктов, в %)

Какой по статусу Вы бы хотели в будущем видеть Калининградскую область?	Тип населенного пункта			
	Калининград	Малый город	Село	Вся выборка
Независимым государством	10,9	8,7	10,7	10,2
Территорией, находящейся в совместном управлении РФ и ЕС	8,3	7,3	8,3	8,0
Республикой в составе РФ	5,7	16,7	9,1	9,8
Обычной областью в составе РФ	21,0	14,0	22,3	19,2
Областью с правами ОЭЗ в составе РФ	43,7	46,7	43,0	44,4
Регионом в составе другого государства	4,4	2,0	4,1	3,6
Другое	0,0	0,0	0,8	0,2
Затрудняюсь ответить	6,1	4,7	1,7	4,6

Таблица 18

Возможный статус Калининградской области в будущем (по возрастным группам, в %)

Какой по статусу Вы бы хотели в будущем видеть Калининградскую область?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Независимым государством	14,2	15,6	7,0	4,3	4,2	10,2
Территорией, находящейся в совместном управлении РФ и ЕС	8,7	6,5	9,0	11,6	2,8	8,0
Республикой в составе РФ	13,1	6,5	13,0	5,8	4,2	9,8
Обычной областью в составе РФ	10,9	7,8	22,0	24,6	43,7	19,2
Областью с правами ОЭЗ в составе РФ	42,1	61,0	41,0	46,4	35,2	44,4
Регионом в составе другого государства	3,8	1,3	4,0	5,8	2,8	3,6
Другое	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2
Затрудняюсь ответить	6,6	1,3	4,0	1,4	7,0	4,6

Для мигрантов постсоветского времени характерны более выраженные сепаратистские настроения: среди них выше доли сторонников вариантов «независимое государство» (12,3 %), «территория, находящаяся в совместном управлении РФ и ЕС» (15,4 %), «регион в составе другого государства» (10,8 %), чем среди коренных жителей области (табл. 19).

Таблица 19

Возможный статус Калининградской области в будущем (по группам коренных жителей и мигрантов, в %)

Какой по статусу Вы бы хотели в будущем видеть Калининградскую область?	С какого года Вы проживаете в Калининградской области?		
	С рождения или с советского времени	Мигранты постсоветского времени	Вся выборка
Независимым государством	9,9	12,3	10,2
Республикой в составе РФ	10,1	7,7	9,8
Территорией, находящейся в совместном управлении РФ и ЕС	6,9	15,4	8,0
Обычной областью в составе РФ	19,8	15,4	19,2
Областью с правами ОЭЗ в составе РФ	45,5	36,9	44,4
Регионом в составе другого государства	2,5	10,8	3,6
Другое	0,0	1,5	0,2
Затрудняюсь ответить	5,3	0,0	4,6

Мнения респондентов о будущем статусе Калининградской области различаются в зависимости от их миграционных намерений. Жители региона, планирующие уехать в другие регионы или страны, крайне редко (3,3—4 %) согласны на вариант «обычная область в составе РФ», но чаще склоняются в пользу статуса независимого государства (24—30 %). Кроме того, респонденты, имеющие намерение эмигрировать в другую страну, часто предпочитают мнение о Калининградской области как регионе в составе другого государства — 13,3 % против 3,6 % средних по выборке (табл. 20).

Таблица 20

Возможный статус Калининградской области в будущем (в связи с миграционными намерениями респондентов, в %)

Какой по статусу Вы бы хотели в будущем видеть Калининградскую область?	Собираетесь ли Вы покидать эти места, переезжать в другие регионы России или в другие страны?				
	Да, я определенно собираюсь уехать из Калининградской области в другой регион России	Да, я определенно собираюсь уехать из Калининградской области в другую страну	Нет, я не собираюсь покидать Калининградскую область	Затрудняюсь ответить	Вся выборка
Независимым государством	24,0	30,0	8,0	8,6	10,2
Республикой в составе РФ	16,0	10,0	9,9	7,4	9,8
Территорией, находящейся в совместном управлении РФ и ЕС	4,0	10,0	7,4	11,1	8,0
Обычной областью в составе РФ	4,0	3,3	22,5	14,8	19,2
Областью с правами ОЭЗ в составе РФ	44,0	26,7	45,1	48,1	44,4
Регионом в составе другого государства	4,0	13,3	2,7	3,7	3,6
Другое	0,0	3,3	0,0	0,0	0,2
Затрудняюсь ответить	4,0	3,3	4,4	6,2	4,6

Только 5,2% опрошенных полностью поддерживают идею отделения области от России. Более половины опрошенных не поддерживают идею отделения Калининградской области от России ни при каких условиях, причем чем старше возраст респондентов, тем чаще они отрицают эту возможность. И снова налицо различия между возрастными группами: доля поддерживающих

идею отделения области при любых условиях составляет 8,7% среди самых молодых респондентов (18—29 лет) и снижается до 6,5% в возрасте 30—39 лет, 2,0% в возрасте 40—49 лет, 2,9% в возрасте 50—59 лет и 1,4% в старшей возрастной группе (табл. 21).

Таблица 21

Отношение к идее отделения области от России (по возрастным группам, в %)

Как Вы относитесь к идее отделения Калининградской области от России?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Полностью поддерживаю при любых условиях	8,7	6,5	2,0	2,9	1,4	5,2
Поддержу при определенных условиях	37,2	39,0	29,0	24,6	15,5	31,0
Не поддержу ни при каких условиях	42,1	40,3	57,0	59,4	73,2	51,6
Затрудняюсь ответить	12,0	14,3	12,0	13,0	9,9	12,2

Связь готовности поддержать идею отделения Калининградской области от России с возрастом респондентов может означать, что сепаратистские настроения в регионе с течением времени будут расширяться, но и не исключено, что с возрастом мнения нынешней молодежи по вопросу отделения изменятся.

Естественно, что наиболее активно идею отделения от России поддерживают те жители области, которые имеют намерение уехать отсюда: поддержать отделение региона при любых условиях готовы 16% желающих мигрировать в другие регионы России и 30% желающих уехать в другую страну.

Более трети опрошенных жителей региона в той или иной мере уверены, что в случае отделения от России Калининградская область сможет существовать самостоятельно. Весьма значительны здесь расхождения между разными возрастными группами: если в группе респондентов старше 60 лет доля тех, кто в той или иной степени верит в возможность самостоятельного существования области, составляет 15,5%, то к младшей возрастной группе этот показатель вырастает до 51,9% (табл. 22).

Таблица 22

Уверенность в возможности самостоятельного существования области (по возрастным группам, в %)

Как Вы считаете, в случае отделения от России сможет ли Калининградская область существовать самостоятельно?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Определенно да	22,4	18,2	15,0	11,6	8,5	16,8
Скорее да, чем нет	29,5	22,1	20,0	10,1	7,0	20,6
Скорее нет, чем да	24,0	26,0	29,0	34,8	23,9	26,8
Определенно нет	18,0	29,9	25,0	36,2	56,3	29,2
Затрудняюсь ответить	6,0	3,9	11,0	7,2	4,2	6,6

По мнению почти половины (48,6%) респондентов, в случае отделения Калининградской области от России ей определенно или в некоторой степени угрожает поглощение со стороны Германии. Возрастные различия в ответах на этот вопрос незначительны (табл. 23).

Таблица 23

Оценка угрозы поглощения области Германией (по возрастным группам, в %)

Как Вы считаете, в случае отделения от России, не угрожает ли Калининградской области поглощение со стороны Германии?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Определенно да	17,5	13,0	18,0	18,8	31,0	19,0
Скорее да, чем нет	32,8	22,1	34,0	27,5	25,4	29,6
Скорее нет, чем да	26,8	24,7	19,0	23,2	12,7	22,4
Определенно нет	13,1	24,7	17,0	18,8	26,8	18,4
Затрудняюсь ответить	9,8	15,6	12,0	11,6	4,2	10,6

Меньше остальных в угрозу поглощения области Германией верят респонденты с высшим образованием (38,3% против 48,6% средних по выборке). В целом по выборке к идее продажи Калининградской области Германии в той или иной степени положи-

тельно относится лишь десятая часть респондентов. Среди более молодых жителей региона поддерживающих эту идею больше (17,0% по группе респондентов в возрасте до 29 лет), чем среди более старших (4,2% по старшей возрастной группе) (табл. 24).

Таблица 24

Отношение к идее продажи Калининградской области Германии (по возрастным группам, в %)

Как Вы относитесь к идее продажи Калининградской области Германии?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Положительно	5,5	2,6	1,0	2,9	1,4	3,2
Скорее положительно	11,5	3,9	6,0	4,3	2,8	7,0
Скорее отрицательно	10,4	18,2	17,0	21,7	8,5	14,2
Отрицательно	68,9	67,5	70,0	66,7	84,5	70,8
Затрудняюсь ответить	3,8	7,8	6,0	4,3	2,8	4,8

Сельчане и жители малых городов чаще калининградцев положительно относятся к идее продажи области Германии: показатели составляют, соответственно, 13,2, 12,0 и 7,4% (табл. 25).

Таблица 25

Отношение к идее продаже Калининградской области Германии (по типам населенных пунктов, в %)

Как Вы относитесь к идее продажи Калининградской области Германии?	Тип населенного пункта			
	Калининград	Малый город	Село	Вся выборка
Положительно	1,7	3,3	5,8	3,2
Скорее положительно	5,7	8,7	7,4	7,0
Скорее отрицательно	16,2	12,7	12,4	14,2
Отрицательно	72,1	70,0	69,4	70,8
Затрудняюсь ответить	4,4	5,3	5,0	4,8

Существенна доля положительно воспринимающих идею о продаже области Германии (17,5%) среди наименее обеспеченных респондентов (уровень дохода на одного члена семьи в месяц — до 2000 руб.).

Отношение к другим странам

В связи с обсуждением проблемы возможного отделения Калининградской области от России и присоединения к другим государствам участникам опроса задавались вопросы об отношении к Германии, Польше и Литве. Белоруссия выступила в качестве «контрольного» варианта, сопоставление с которым позволяет делать более точные выводы относительно отношения калининградцев к названным государствам.

В целом по выборке респонденты продемонстрировали достаточно лояльное и ровное отношение к названным странам. Доля тех, кто в той или иной степени положительно воспринимает Германию, Литву и Польшу, составляет, соответственно, 73,0, 63,0 и 73,0%. Аналогичный показатель по Белоруссии — 83,6% (табл. 26—29).

Таблица 26

Отношение к Германии
(по возрастным группам, в %)

Как Вы относитесь к Германии?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Положительно	46,4	42,9	45,0	37,7	19,7	40,6
Скорее положительно	36,1	37,7	33,0	26,1	22,5	32,4
Скорее отрицательно	7,1	9,1	12,0	8,7	33,8	12,4
Отрицательно	8,2	7,8	9,0	11,6	19,7	10,4
Затрудняюсь ответить	2,2	2,6	1,0	15,9	4,2	4,2

Таблица 27

Отношение к Литве (по возрастным группам, в %)

Как Вы относитесь к Литве?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Положительно	30,6	31,2	38,0	34,8	16,9	30,8
Скорее положительно	30,6	41,6	32,0	27,5	31,0	32,2
Скорее отрицательно	16,4	9,1	14,0	13,0	25,4	15,6
Отрицательно	19,7	14,3	15,0	20,3	25,4	18,8
Затрудняюсь ответить	2,7	3,9	1,0	4,3	1,4	2,6

Таблица 28

Отношение к Польше (по возрастным группам, в %)

Как Вы относитесь к Польше?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Положительно	31,1	40,3	35,0	34,8	19,7	32,2
Скорее положительно	43,7	42,9	44,0	33,3	33,8	40,8
Скорее отрицательно	12,0	3,9	9,0	13,0	21,1	11,6
Отрицательно	11,5	10,4	10,0	13,0	19,7	12,4
Затрудняюсь ответить	1,6	2,6	2,0	5,8	5,6	3,0

Таблица 29

Отношение к Белоруссии (по возрастным группам, в %)

Как Вы относитесь к Белоруссии?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Положительно	39,3	48,1	59,0	63,8	66,2	51,8
Скорее положительно	39,3	29,9	30,0	21,7	26,8	31,8
Скорее отрицательно	6,0	3,9	3,0	4,3	2,8	4,4
Отрицательно	10,9	9,1	5,0	5,8	4,2	7,8
Затрудняюсь ответить	4,4	9,1	3,0	4,3	0,0	4,2

Таким образом, можно сказать, что у жителей региона сложилось позитивное отношение к названным странам, хотя Белоруссию воспринимают как более близкого (позитивного) соседа.

Сопоставление долей ответов «положительно» и «скорее положительно» на вопрос об отношении к названным странам, а

также подсчет баланса выставленных оценок позволяют составить своего рода их рейтинг, в котором первое место принадлежит Германии (баланс +50,2 %), второе — Польше (+49,0 %), третье — Литве (+28,4 %). Для сравнения: баланс оценок Белоруссии составляет +71,4 %.

Обнаружены возрастные различия в отношении к данным странам. Так, представители старшей возрастной группы значительно хуже остальных относятся к Германии (баланс оценок по группе респондентов старше 60 лет составляет –11,3 %), Литве (–2,9 %), Польше (+12,7 %) и лучше — к Белоруссии (+86 %).

Положительное отношение к стране выливается в ответ о готовности поддержать идею отделения Калининградской области при условии ее присоединения именно к этому государству (соответствующие ответы в данных группах респондентов встречаются примерно в два раза чаще, чем в среднем по выборке).

Несмотря на хорошее отношение к странам-соседям, участники опроса подозревают их в территориальных претензиях к Калининградской области: 63,8% опрошенных жителей региона в той или иной степени считают, что территориальные притязания к российской области имеет Германия, 43,4% подозревают в этом Литву, 34,6% — Польшу. Таким образом, Польша выглядит наиболее безобидной в плане притязаний на территорию Калининградского региона.

Пожилые респонденты чаще склоняются в пользу существования территориальных претензий со стороны Германии (70,5 % в той или иной степени положительных ответов в группе старше 60 лет), а также Литвы (49,3 %). В последнем случае к ним присоединяются самые молодые респонденты (47,6 %) (табл. 30—32).

Таблица 30

Мнение о территориальных претензиях к региону со стороны Германии (в %)

Как Вы считаете, имеет ли Германия территориальные претензии к Калининградской области?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Определенно да	35,5	31,2	37,0	33,3	43,7	36,0
Скорее да, чем нет	26,2	32,5	27,0	29,0	26,8	27,8
Скорее нет, чем да	16,4	16,9	15,0	14,5	9,9	15,0
Определенно нет	10,9	7,8	8,0	13,0	5,6	9,4
Затрудняюсь ответить	10,9	11,7	13,0	10,1	14,1	11,8

Таблица 31

Мнение о территориальных претензиях к региону со стороны Литвы (в %)

Как Вы считаете, имеет ли Литва территориальные претензии к Калининградской области?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Определенно да	20,8	16,9	20,0	18,8	26,8	20,6
Скорее да, чем нет	26,8	22,1	21,0	15,9	22,5	22,8
Скорее нет, чем да	21,9	24,7	21,0	31,9	16,9	22,8
Определенно нет	16,9	18,2	22,0	21,7	19,7	19,2
Затрудняюсь ответить	13,7	18,2	16,0	11,6	14,1	14,6

Таблица 32

Мнение о территориальных претензиях к региону со стороны Польши (в %)

Как Вы считаете, имеет ли Польша территориальные претензии к Калининградской области?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Определенно да	19,1	11,7	11,0	14,5	18,3	15,6
Скорее да, чем нет	20,2	11,7	25,0	17,4	16,9	19,0
Скорее нет, чем да	23,5	24,7	22,0	27,5	28,2	24,6
Определенно нет	21,9	24,7	21,0	27,5	23,9	23,2
Затрудняюсь ответить	15,3	27,3	21,0	13,0	12,7	17,6

Интересно, что определенных связей между отношением к названным странам и представлением о наличии у них территориальных притязаний в отношении нашей области нет. Респондент может считать, что у той или иной страны есть претензии на территорию области, и при этом относиться к ней положительно.

Большинство респондентов (89,6%, в том числе 61,8% — определенно) поддерживают идею о необходимости более активного развития связей с соседними европейскими странами и Евросоюзом в целом. Наиболее сдержанно к этой проблеме относятся пожилые (от 60 лет и старше) респонденты (66,2% положительных ответов, в том числе 43,7% — определенно положительных) (табл. 33).

Таблица 33

Отношение к развитию связей с европейскими странами (по возрастным группам, в %)

Считаете ли Вы, что Калининградская область должна активнее развивать связи с соседними европейскими странами и Евросоюзом в целом?	Возраст					
	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	От 60 лет и старше	Вся выборка
Определенно да	69,4	59,7	57,0	69,6	43,7	61,8
Скорее да, чем нет	23,0	35,1	40,0	18,8	22,5	27,6
Скорее нет, чем да	1,6	2,6	0,0	7,2	23,9	5,4
Определенно нет	2,7	0,0	1,0	0,0	1,4	1,4
Затрудняюсь ответить	3,3	2,6	2,0	4,3	8,5	3,8

Жители с высоким уровнем образования (среднее специальное, неполное высшее, высшее) в большей степени согласны с необходимостью развивать международные связи. Реже остальных положительно относятся к идее развития связей региона с европейскими странами респонденты, считающие наилучшим для Калининградской области статус обычной области в составе РФ.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Подтверждается стабильность общественных настроений калининградского сообщества в отношении долгосрочных перспектив развития региона. По сравнению с аналогичными социологическими исследованиям, проводившимся год — полтора назад, колебания показателей находятся в пределах статистической погрешности. В частности, доля лиц, занимающих позицию, которую условно можно назвать сепаратистской, составляет 5,2%. По данным Калининградского социологического центра, в 2004 г. положительный ответ на вопрос о возможности отделения от России давало более 4% респондентов.

2. Максимальный сепаратистский потенциал выявлен в первую очередь у тех граждан, которые собираются выехать из Калининградской области в другие регионы страны или за рубеж. У этой категории в три раза чаще, чем в среднем по выборке, в числе возможных вариантов развития региона встречаются ответы «независимое государство» и «территория под контролем других

государств». Подобная взаимосвязь отражает общий настрой потенциальных мигрантов. Те из них, кто собирается выехать за пределы России (5% опрошенных) были бы удовлетворены одним из вариантов поглощения социума евроатлантическими структурами или в качестве небольшого независимого государства, или в виде доминиона ЕС (по образцу Косово, Боснии и Герцеговины). Так или иначе, у эмигрантов отпала бы нужда в переселении, так как «Европа» сама пришла бы к ним. В этом случае упростилась бы и процедура получения разрешения на постоянное проживание в европейских странах для граждан отделенного от России Калининграда.

Респонденты, заявившие о своем желании переехать из Калининградской области в другую часть страны, в качестве одного из мотивов для переселения традиционно называют опасения, которые связаны с геополитическими угрозами, неопределенностью политико-правового статуса региона в среднесрочной перспективе. У этой группы опрошенных тезис о независимости Калининградской области или поглощении ее другими государствами выступает не в качестве желаемой перспективы, а как опасность, стимулирующая намерение переехать в более «спокойную» часть Российской Федерации.

3. Так же, как и в ходе предыдущих опросов, наибольшую подверженность идеям дистанцирования от России демонстрирует младшая возрастная группа опрошенных — люди в возрасте 18—29 лет. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, молодежи всегда свойственны радикальные взгляды. Небольшой жизненный и еще меньший политический опыт делает самые решительные проекты наиболее привлекательными для молодых людей. Возникает своеобразный синдром «простых решений», который базируется на максималистских оценках. Чем радикальнее предложение, чем меньше оно содержит ссылок на необходимость компромиссов и согласование позиций, тем лучше. Не случайно рекрутирование членов экстремистских организаций во всех странах мирах происходит исключительно в молодежной среде. Сплав амбициозности, радикальности, фанатичной преданности, более низкая субъективная оценка ценности собственной жизни превращают молодых людей в наиболее удобный ма-

териал для распространения экстремизма любого рода. Во-вторых, не нужно забывать, что формирование молодого поколения россиян, их социализация пришлись на один из самых неблагоприятных периодов в истории страны. Крах СССР, глобальный социально-экономический кризис, политическая нестабильность были наиболее типичными чертами первого периода посткоммунистической трансформации, проходившего в последнем десятилетии XX в. Негативный осадок от пережитого в детстве еще долго будет оказывать сильное воздействие на общественно-политическую ориентацию молодежи.

4. В результате опроса выявилась интересная закономерность. Представители последней волны переселенцев, мигранты из республик бывшего СССР, прибывшие в регион после 1991 г., не только меньше связаны с Калининградской областью. Эта часть регионального социума проявляет более высокую готовность к выезду на постоянное жительство в страны Европейского сообщества. В два раза выше, чем в среднем по выборке, недавние мигранты отождествляют себя с европейцами (38,5% против 17%). Треть респондентов из постсоветской переселенческой общины не волнует проблема эксклавности Калининградской области, угроза ослабления ее связей с остальной частью России. Зато среди них в три раза выше, чем среди тех, кто родился или долгое время проживал в регионе, доля опрошенных, которые видят будущее российской Прибалтики в качестве части иной страны. Сторонников совместного управления областью РФ и ЕС среди недавних мигрантов в два раза выше по сравнению с условно коренными жителями Янтарного края.

5. Калининградская область: оценка потенциальной угрозы сепаратизма

Очевидным и бесспорным даже для самых последовательных сторонников унификации отличием Калининградской области от остальных регионов России является ее уникальное геополитическое положение. Большая часть страны расположена значительно дальше от Москвы, чем Калининград. Но это проблема, лежащая в хозяйственной плоскости, связанная с развитием системы коммуникаций. Балтийская же окраина отделена от остальной части России политически, границами НАТО и ЕС. Чисто техническое решение проблем взаимосвязи с «большой землей» здесь невозможно в принципе. Уже это обстоятельство порождает ряд специфических черт в социально-экономическом и культурном развитии Калининградской области. Особенности существования местного социума, пережившего за неполные 60 лет две мощные миграционные волны (первая положила начало региональному сообществу, вторая привела к значительным переменам в его составе — только за последние 14 лет население области обновилось на треть), находящего в постоянном контакте с польско-литовским католическим окружением, не так бросаются в глаза, но находят свое проявление не только в наличии элементов местной субкультуры.

Специфика геополитического и геоэкономического положения Калининградской области не позволяет решать проблемы региона стандартными, типовыми средствами. Узел проблем, связанных с развитием региона, нельзя разрубить одним волевым

решением. Может показаться, что калининградские представители слишком часто указывают на свое своеобразие, противопоставляя себя остальной части страны, чтобы получить некие преференции. Да, Калининградская область — юридически обычный российский регион. Просто он оказался в необычной ситуации, когда международные по формату и сути процессы оказывают прямое воздействие на внутреннее развитие российской провинции, обыденную жизнь простых граждан. Выгода от географического положения во многом пока остается потенциалом, требующим реализации, тогда как издержки эксклавного положения уже сейчас негативно влияют на жизнь региона.

Как показал опыт почти 15 лет эксклавного существования, простых выходов из своеобразной геополитической ситуации, в которую попала Калининградская область после развала СССР, не существует. И дело здесь не в пассивной позиции местных властей или неповоротливости российской дипломатии. По мере изменения международной ситуации в юго-восточной Балтике меняется не только содержание, но формат вызовов, с которыми сталкивается российский эксклав. Так, транзитный вопрос постепенно трансформировался из аспекта российско-литовских отношений в одну из тем диалога РФ и ЕС. Достижение любого компромисса в отношении условий перемещения грузов и людей по калининградскому маршруту сейчас связано с комплексом различным проблем, порой очень далеких от Калининградской области. Например, Эстония, уязвленная демонстративным отказом России от заключения договора о границе, в середине 2005 г. официально заявила о том, что будет всячески препятствовать ослаблению визовых требований ЕС в отношении российских граждан.

Превалирование радикальных проектов решения калининградской проблемы в начале 90-х гг. прошлого века выглядит закономерной реакцией на глобальные перемены на карте мира. Зарубежные политики и публицисты с энтузиазмом рассматривали самые невероятные проекты трансформации геополитической ситуации в юго-восточной части Балтики. В свою очередь под влиянием «парада суверенитетов» некоторые местные политические аутсайдеры выдвинули идею трансформации Калининградской области в российскую республику. В 1993 г. был пуб-

лично озвучен тезис о формировании нового этноса — «балтийских русских». Но очень быстро выяснилось, что пропаганда автономистских воззрений является, прежде всего, средством привлечения внимания национальных и зарубежных СМИ. Кроме того, существует небесспорная точка зрения, что пресловутый «калининградский сепаратизм» был дополнительным аргументом для руководства области в его переговорах с федеральным Центром. Москва отнюдь не торопилась предоставлять какие-то экономические льготы своей заграничной области. Тогда калининградские политики напоминали о существовании доморощенных сепаратистов, которые могут придти к власти, если Центр будет и впредь игнорировать специфические проблемы эксклавного региона.

При ближайшем рассмотрении автономистские настроения оказывались в большинстве случаев ситуативной реакцией на очередные действия федеральных чиновников. За почти 15 лет режим свободной, а с 1996 г. Особой экономической зоны в Калининградской области был дважды полностью отменен, а попыток временно «заморозить» таможенные льготы насчитывается больше десяти. В такой атмосфере возникало чувство обиды на «тупых бюрократов», легко трансформировавшееся в фантастические проекты создания независимой Балтийской республики. Однако после урегулирования конфликтных ситуаций сепаратистские эмоции быстро шли на спад.

С учетом структуры населения Калининградской области в регионе полностью отсутствует почва для формирования сепаратистского движения наиболее распространенного этно-конфессионального типа. Свыше 80% жителей российского эксклава — русские. Так называемое славянское ядро — русские, украинцы и белорусы — составляют более 94% населения. Самая крупная неславянская национальная группа региона — литовцы — составляет менее 2% постоянных жителей области. Подавляющее большинство калининградцев в конфессиональном плане идентифицирует себя с православием.

Регулярно появляющаяся в прессе тема «германизации» Калининградской области представляет собой пропагандистский жупел, не основанный на реальных фактах. Да, за 15 лет численность представителей общины этнических немцев в Калинин-

граде существенно выросла и достигла 7 тыс. человек. Но несложная арифметическая операция позволяет установить, что речь идет о величине, которая составляет менее процента от общей численности регионального сообщества. Причем в эксклав переселяются потомки так называемых российских, или екатерининских, немцев, более двух веков являющихся частью полиэтнического социума России. Единичные попытки радикальных представителей организаций выходцев из Восточной Пруссии и их наследников из «Союза изгнанных» актуализировать «восточнопрусскую проблему» вызывают информационный резонанс, несопоставимый с реальным воздействием этих инициатив на положение в Калининградской области и дискуссию о ее будущем.

В отсутствие фактов, подтверждающих тезис о «германизации» российской Прибалтики, для его обоснования в ход идут такие доводы, как, например, использование прежних немецких названий в наименованиях местных фирм, деятельность в области предприятий с немецким капиталом и особенно обращение к немецкому прошлому области. В результате краеведы в одночасье превращаются в «агентов влияния» реваншистских кругов ФРГ.

Надуманность представлений о значительном масштабе распространения автономистских взглядов наглядно демонстрирует анализ общественно-политической жизни Калининградской области после 1991 г. Изоляция от России вызвала широкое распространение у населения Калининградской области опасений по поводу своей дальнейшей судьбы. Неотъемлемой частью общественного сознания некоторых групп населения стали внешние угрозы, такие как, например, «продажа Калининграда за долги» или «оккупация войсками НАТО». Все это вызвало усиление в политической жизни региона отнюдь не сторонников автономии, а политиков и политических сил, выступающих с так называемых национал-патриотических позиций.

Это подтверждают и итоги выборов. В ходе всех федеральных избирательных кампаний, проводившихся с 1989 г., Калининградская область традиционно выделяется более высоким, по сравнению со среднероссийскими показателями, уровнем поддержки национал-патриотических сил — ЛДПР, «Родины», генерала А. Лебедя. ЛДПР по итогам выборов в Государственную думу 2003 г. стала второй по влиянию силой в Калининградской

области, получив 15 % голосов. На четвертом месте оказался блок «Родина», за который проголосовало 10,1 % избирателей региона. Проблема «наведения мостов», сохранения и укрепления связей с федеральным Центром была доминирующей в массовом сознании калининградцев на протяжении всего постсоветского периода. Превращение области в российский эксклав внутри НАТО и ЕС пока только поддерживает центростремительную ориентацию регионального самосознания.

Негативное восприятие федеральных элит («Москвы») в Калининградской области не острее, чем в большинстве других регионов России. Однако в эксклаве существует социально-психологический эффект завышенных ожиданий по поводу решения основных проблем области федеральным Центром. Инерционные сценарии региональной политики, вакуум решений воспринимаются как «брошенность на произвол судьбы». Необходимо учитывать, что, по мнению ряда экспертов, именно у представителей так называемых «имперских наций» наблюдается особенно болезненная реакция на игнорирование центральной властью интересов локальных общностей. Распространяется не сепаратизм как таковой, а *региональный сепаратизм,* нацеленный не на отделение области от России, а на изменение распределения полномочий между нею и федеральным Центром, исходя из тех геоэкономических и геополитических условий, в которых область оказалась не по своей воле. Речь идет скорее об автономизме, при котором свобода в рамках, опредленных Центром, вполне может сочетаться с федеральным контролем.

Калининградские элиты в течение полутора десятилетий предлагают различные концепции регионального развития. Однако ни одна из из них так и не смогла получить идеологического статуса общерегионального, консенсусного проекта. Генерации новых идей препятствуют медленное обновление региональных элит, стремление переложить всю или большую часть ответственности за решение региональных проблем на федеральный Центр, боязнь оказаться под подозрением в сепаратизме в случае выдвижения слишком смелых и нетривиальных идей.

Вместе с тем в поведении части калининградских элит имеет место и «остаточный унитарный синдром», ориентация на жесткое, строго иерархическое подчинение всех сторон жизнедея-

тельности и развития региона управлению из федерального Центра. При этом признается определенная «особость» Калининградской области и предпочтение отдается не столько унифицированной управленческой модели, сколько режиму «ручного управления из Москвы».

В самосознании (идентичности) основной части населения России и жителей Калининградской области существуют определенные различия, сложившиеся исторически и усиленные действием геополитических и геоэкономических факторов. На ментальном и мировоззренческом уровне у калининградцев сложились свои представления об особенностях жизнедеятельности и развития своего региона, которые не всегда находят адекватное понимание у жителей других регионов России и федеральных элит.

На стратегическую перспективу эти особенности калининградского социума могут стать питательной почвой для развития идеологий «особости» региона. Катализатором формирования идей политического обособления Калининградской области (от мягких, автономистских до радикально-сепаратистских форм) способны стать как инерционная модель поведения федерального Центра (сохранение статус-кво во взаимоотношениях между центром и Калининградской областью), так и жесткая, унитарная модель управления.

Текущие проявления автономистских и сепаратистских настроений (в форме идей «заграничной территории», «регионального эгоизма», «Балтийской республики» и т. п.) связаны с укоренившимися представлениями о том, что роль и место области в сложившихся федеративных отношениях не полностью отвечают интересам калининградцев и что ключ к решению проблем региона лежит в плоскости изменения статуса Калининградской области.

Важным аспектом социальных настроений калининградцев является то, что почти половина населения области оценивает социально-экономическую ситуацию лишь как удовлетворительную (но не хорошую или отличную) и более четверти — как плохую и катастрофическую. Это порождает пессимизм и тревожное ожидание будущего. При этом объективный анализ демонстрирует, что в России много регионов, где жизнь граждан значительно хуже. Но калининградцы не хотят сравнивать свой

уровень жизни с этими районами, для них референтной группой являются Польша и Литва. Уровень социальной тревоги и напряженности подогревают и глобальные геополитические трансформации последних десятилетий. Дополнительными факторами социальной нестабильности являются слабость социальных связей, предельная приватизация жизни калининградцев. Солидарность, способность и потребность в коллективных действиях, будь то акции протеста или совместная работа по благоустройству общего двора, абсолютно не характерны для местного социума. Поэтому, кстати, «коренные» так настороженно встретили мигрантов 1990-х гг., которые держались вместе и пытались сохранить некие социальные связи в рамках общностей, превосходящих по формату просто группу родственников или личных знакомых. При этом данная модель функционировала на неформальном уровне, не получив организационного закрепления в общественно-политической сфере.

В числе факторов, оказывающих дестабилизирующее влияние на развитие Калининградской области, на первом месте находятся издержки процесса европейской интеграции. Расширение ЕС на восток, присоединение к этой организации соседних с регионом государств Восточной Европы порождает комплекс проблем, затрудняющих стабильное функционирование калининградского хозяйственного комплекса, жизнеобеспечение российского анклава. Инфраструктура, связывающая население и экономику области с остальной частью России, частично проходит по территории ЕС. Это не только создает критически высокий уровень угрозы транспортной и энергетической системам региона, его жизнеобеспечению в целом. Элементы неопределенности в отношениях ЕС и России по проблемам адаптации Калининградской области к своему анклавному положению оцениваются как фактор риска, что негативно сказывается на инвестиционной привлекательности региона, сдерживает реализацию долговременных хозяйственных проектов. Конфликт между нормативно-правовыми актами РФ и ЕС нивелирует политические договоренности, достигнутые сторонами на самом высоком уровне.

Отношения с соседями по-прежнему остаются источником угроз для российской Прибалтики. Польша и Литва после вступления в ЕС решают проблемы, связанные с существованием ка-

лининградского анклава, нарочито жесткими методами. Невольно возникает ощущение, что во внешней политике бывших союзников по социалистическому лагерю и членов «братской семьи советских народов» доминирует подход к России с «позиции силы». Подобная позиция явно вызвана переплетением русофобских настроений, спровоцированных комплексом неполноценности по поводу полувекового состояния в качестве «младшего брата» советской империи, и эйфорией в связи с официальным присоединением к евроатлантическому сообществу. Эксперты отмечают, что экономическая политика в государствах, недавно вошедших в состав ЕС, во многом является заложницей стереотипов и предубеждений, сложившихся в отношении «советских оккупантов» у нынешней политической элиты. В первую очередь подобным синдромом поражены правящие слои республик Прибалтики и Польши. Крупный русский бизнес активно выдавливается из Польши, не выдерживая откровенной русофобии на государственном и региональном уровнях. Оборот мелкой розничной торговли, составлявший в середине 1990-х гг. прошлого века 3—3,5 млрд дол. США в год, сейчас сократился в 10 раз. Причем 70 % его приходится на Калининградскую область[58].

Для того чтобы придти в себя и осознать свою реальную роль в ЕС и НАТО, элитам стран Центральной и Восточной Европы потребуется не один год и не один скандал, сопоставимый по масштабам с истерией по поводу Североевропейского газопровода.

Новая геополитическая обстановка, регулярное обсуждение вопроса о будущей судьбе Калининградской области в пессимистическом ключе, инициируемое зарубежными и российскими экспертами, ведут к росту тревоги у рядовых граждан, провоцируют формирование общего отрицательного фона настроений регионального сообщества. Неблагоприятный же морально-психологический тонус населения в свою очередь способствует росту асоциальных явлений: преступности, наркомании, пьянства, подростковой беспризорности, эмиграционных настроений. В подобной атмосфере мелкий бизнес, на который приходится пя-

---

[58] *Тихомиров Д.* Коммерция пельменного калибра//КоммерсантЪ. Деньги, 2004. № 36. С. 30—34.

тая часть производства товаров и услуг Калининградской области, ограничивает свою активность.

Серьезной проблемой для федерализма на калининградском направлении стала «мода», своего рода негативный социальный заказ на отображение Калининградской области в средствах массовой информации федерального значения как проблемного и даже как «потерянного» (на перспективу) для России региона. Такое снятие табу объективно способствует дополнительной восприимчивости общественного мнения к различным проявлениям сепаратизма. Волна негативных публикаций в зарубежной прессе (пик в 2002—2003 гг.) уже закрепила отрицательный имидж региона на Западе, включающий негативный образ российской государственной власти («регион, брошенный на произвол судьбы»).

Предвзятость в освещении проблем Калининградской области стала своего рода дурной привычкой, журналистским клише. Тенденциозный негатив в масс-медиа стал самостоятельным фактором торможения развития Калининградской области. Его приходится преодолевать так же, как бюрократические барьеры, политические риски и коррупцию. Именно об этом говорят как послы России в европейских странах, так и представители европейских политических и бизнес-кругов. Однако одиозные материалы о Калининградской области продолжают появляться в СМИ с вызывающей сожаление регулярностью.

Геополитическая уникальность Калининградской области состоит в ее положении на стыке двух культурных цивилизаций — российской и западноевропейской. Полтора десятилетия открытости региона европейскому влиянию, а также прямая зависимость области от ряда норм и правил соседних государств привели к своеобразному социально-психологическому эффекту. В установках массового сознания в масштабе Калининградской области достаточно отчетливо различимы как общероссийский, так и «европейский» векторы ценностных ориентаций. В настроениях большинства населения эти ориентации существуют в симбиозе, в форме сдвоенной установки на укрепление связей с остальной частью России и на интеграцию в «благополучную» Европу. Крайние варианты (антироссийский сепаратизм и антиевропейский изоляционизм) выражают устремления незначительного меньшинства.

Определенная раздвоенность массового сознания представляет собой существенный социально-психологический вызов для обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Калининградской области. Смесь ожиданий, иллюзий и податливость к броским идеям чревата самыми серьезными политическими последствиями для национальных интересов страны. Дальнейшее «брожение умов» относительно перспектив регионального развития способно породить опасные социальные процессы. Необходимо учитывать подобную перспективу и проводить политический курс, призванный нейтрализовать данную угрозу. Существенным элементом такой политики должно быть развитие партнерских отношений России с европейскими государствами.

Для Калининградской области, которая волей истории превратилась в российский эксклав в социально-экономическом, правовом и культурном пространстве ЕС, развитие российско-европейского сотрудничества играет особую роль. На приграничные, а тем более эксклавные регионы ложится особая нагрузка по непосредственному постоянному представлению государства, его «лица» соседним странам. В силу значительности объема деловых, финансовых, социальных, экономических, культурных и межличностных контактов на бытовом уровне регион становится необычайно показательным и влиятельным в отношении формирования общественного мнения населения иностранного государства относительно данной страны.

В свете вышеизложенного необходимо, чтобы политика российского государства в отношении калининградского эксклава носила взвешенный характер и была выстроена на стратегическую перспективу. С одной стороны, линия федерального Центра не может входить в жесткое противоречие с потребностями основных слоев населения Калининградской области, но с другой — она должна использовать и укреплять здоровые устремления калининградцев, отвечающие общегосударственным интересам. Это должна быть системная политика в таких ключевых аспектах, как свободное передвижения людей, модернизация и оптимизация правовых норм различных сфер деятельности, повышение качества жизни.

Нельзя не отметить, что сейчас последствия предлагаемых изменений нормативно-правовой базы деятельности хозяйствующих субъектов и самих принципов, лежащих в основе подхода федерального Центра к проблемам российской Прибалтики не просчитаны до конца ни московскими экспертами, ни их калининградскими оппонентами. Обе стороны предпочитают оперировать некими аморфными величинами морального характера — «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже». Можно подумать, что речь идет о нравственном облике лирического героя, а не о стратегии развития региона. Любой политический шаг в развитии федеративных отношений должен быть подчинен решению базовой задачи — усилению российского государства, росту благосостояния общества, гармонизации интересов локальных сообществ и стратегических потребностей страны. Уже на стадии проектирования нужно знать возможный позитивный эффект и неизбежные издержки. Идеальных решений не существует в природе, и попытки добиться их контрпродуктивны. Особенно, если анализ объективной реальности подменяется навешиванием пропагандистских ярлыков.

6. Калининградская региональная субкультура и проблемы сепаратизма

Представляется, что сепаратизм в собственно политическом смысле калининградскому социуму сегодня не угрожает. Ибо, как утверждает энциклопедический словарь по политологии, «сепаратизм (фр. *separatisme*, от лат. *separatus* — отдельный) — стремление к обособлению, проявляющееся, как правило, у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий»[59]. Но сегодня на калининградской политической арене отсутствует субъект — носитель сепаратистских ценностей и тенденций, достаточно сформировавшийся и «уверенно себя чувствующий» для попыток реализовать эти ценности и тенденции на практике. Переселенческий характер населения как в прошлом, так и, в значительной степени, в настоящем, к тому же в определенной степени сохранившаяся «гарнизонность» региона (и, возможно, в большей мере, частично оставшиеся традиции настоящей «гарнизонности» советского периода) не способствуют формированию автохтонного населения области.

Справедливости ради нужно отметить что С.И. Ожегов определяет сепаратизм как «просто» «стремление к отделению, обо-

---

[59] *Политология*: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 352.

соблению»[60], т. е. без жестких политических коннотаций. Применительно к нашему случаю речь может идти о *региональном* сепаратизме, связанном со становлением относительно самостоятельного региона-субъекта, заинтересованного в реализации собственных интересов, по меньшей мере часть которых отличается от федеральных интересов. Но и в этом смысле, как нам кажется, сепаратизм не является реальной угрозой, во всяком случае, пока в пространстве власти калининградского социума доминирует поколение, социализировавшееся в условиях СССР, независимо от национальности, профессиональной принадлежности, социального статуса или культурного уровня индивидов. Под пространством власти в данном контексте мы понимаем сферы принятия и реализации решений во всех подсистемах социума и на всех структурных уровнях организации социального бытия.

Следует подчеркнуть, что такие понятия, как «сепаратизм», при их актуализации для «широкой публики» требуют очень осторожного обращения. Не следует пренебрегать вековечной народной мудростью — «не буди лихо, пока оно тихо»; к тому же «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», а в социальной психологии достаточно хорошо известен феномен «самосбывающегося прогноза».

Тем не менее в условиях калининградской региональной субкультуры возникают такие тенденции социокультурной динамики, которые вряд ли можно назвать сепаратистскими, но которые тревожат возможностью объективного дрейфа в сторону от культурного материка — России. Попробуем прояснить нашу позицию.

Социокультурная реальность эксклавного российского региона может быть обозначена как калининградская региональная субкультура[61]. Под региональной субкультурой полагаем воз-

---

[60] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд. М.: Русский язык, 1984. С. 618.

[61] Подробнее см.: *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Социально-философское исследование развития региональной культуры (на примере Калининградской области) // Вестник КГУ. Вып. 2: Сер. Философия, история и образование стран Балтийского региона. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 27—37; *Они же.* Калининградская региональная субкультура, идентичность и ментальность // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США / Под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 155—168.

можным понимать локализованный в пространстве и времени вариант национальной культуры, обладающий целым рядом особенностей, связанных с природно-климатическими и историческими условиями, хозяйственно-экономическим укладом, этнокультурной и социально-демографической спецификой; отличающийся обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами. Региональная субкультура является составной частью культуры национальной и обладает всем комплексом ее базовых характеристик, но одновременно — и явно выявленной местной спецификой.

Главной особенностью калининградской региональной субкультуры является ее «пограничность». Термин «пограничная культура» сегодня широко используется в специальной литературе и, не имея строгой дефиниции, тем не менее обладает явно выраженным смыслом: это культура, непосредственно граничащая с другими культурными образованиями, активно с ними взаимодействующая, не замкнутая в себе. Разумеется, в условиях глобализации все культуры в той или иной мере взаимосвязаны, но в пограничной культуре интенсивность и плотность межкультурных взаимодействий заметно превышает их уровень, обусловленный глобализацией.

«Пограничность» калининградской региональной субкультуры имеет диахроническое и синхроническое измерения. Первое связано с исторической спецификой региона и определено межкультурным взаимодействием во времени немецкого, восточнопрусского и русского, советского культурных оснований. Синхроническое же измерение отражает необходимые и неизбежные плотные культурные взаимодействия с ближайшими европейскими соседями — Польшей и Литвой, а также гораздо более интенсивные, чем у других российских регионов, культурные взаимосвязи с европейскими странами, и прежде всего с Германией.

В этих условиях, при вполне российском характере социализации инкультурация личности имеет явно выраженные особенности, обусловленные указанной «пограничностью» калининградской региональной субкультуры. В отличие от социализации, осуществляющейся в специализированных институтах, инкультурация представляет собой процесс научения без специального обучения. Она происходит в структурах повседневности и носит

перманентный характер, начинаясь с момента рождения и осуществляясь всю жизнь человека. Это процесс вхождения индивида в конкретную культуру, освоение присущих ей форм и способов миропонимания и поведения, обретение когнитивного, эмоционального и поведенческого сходства с представителями данной культуры — в отличие от представителей других культур. Инкультурация как бы «дополняет» процесс социализации, включая и адаптацию индивида к новым культурным условиям, культурным изменениям и механизмы, с помощью которых этническая группа транслирует свои культурные стереотипы, «передает себя по наследству».

Процессы инкультурации личности в условиях калининградской региональной субкультуры привели, по нашему мнению, к формированию калининградского этнокультурного феномена: «переселенец» сотворил и творит культуру калининградского региона, она же, в свою очередь, «творит» личность жителя области. Калининградский этнокультурный феномен — это население области (и прежде всего Калининграда) не только как субъект-носитель определенной культурной отличительности, но и как социальная общность, обладающая сходными представлениями о признаках этой отличительности. Осознание своей принадлежности к этой общности, самопозиционирование в качестве ее представителей сопровождаются частичной деперсонификацией самовосприятия и реализуются в появлении оценки — «Мы» (свои, похожие друг на друга) и «Они» (иные, другие, не похожие на нас). Субъективизм, пристрастность и эмоциональность подобных представлений очевидны, что отнюдь не препятствует самоидентификации членов этнической общности и эффективному опознаванию их представителями других общностей. В этом контексте стоит упомянуть описанную А.Н. Попадиным фигуру «условного калининградца» — УК, который любит подчеркивать свою непохожесть на других жителей России и с удовольствием слушает, как это же отмечают некалининградцы[62].

---

[62] *Попадин А.Н.* Местное время: прогулки по Калининграду (Практическое пособие в 3 ч. с отступлениями). Калининград: Янтарный сказ, 1998. С. 127.

Качественной характеристикой этнокультурного феномена является ментальность. Понятие ментальности отражает глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, включающий и бессознательное, совокупность готовностей, предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир, чувствовать и действовать определенным образом. «Ментальность, менталитет (от лат. — *ум, мышление, образ мыслей, душевный склад*) — общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность — то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное обнаружение...

Ментальность как понятие позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознанными культурными шифрами»[63]. Ментальность как явление отличается намного более устойчивым характером, нежели общественное сознание или общественные настроения, она включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими. Захватывая бессознательное, ментальность выражает жизненные установки людей, их эмоциональные предпочтения, устойчивые образы мира, свойственные данному сообществу и культурной традиции.

Конкретно-социологические исследования достаточно убедительно показывают, что для населения Калининградской области преобладающей является общероссийская ментальность, прежде всего в ее глубинном ценностном измерении[64]. И это естественно: Калининградская область, хотя и эксклав, но российский регион, и процессы социализации личности здесь типично российские. Но, как мы уже отмечали выше, разительно отличаются

---

[63] *Гуревич П.С., Шульман О.И.* Ментальность, менталитет // Культурология. XX век: Энциклопедия. СПб.: Университетская книга. 1998. Т. 2. С. 25.

[64] *Информация* Среднерусского консалтингового центра // Новости агентства Росбалт. 04/01/2003 (www/ rosbalt.ru).

процессы инкультурации, в которых трансплантация иного, «не российского» культурного продукта осуществляется через структуры повседневности в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия.

Отсюда вытекает явно выраженная специфика культурной самоидентификации личности в условиях калининградской региональной субкультуры. Как известно, процесс любой идентификации предполагает два этапа: распознавание, опознавание чего-либо или кого-либо по определенным признакам и уподобление, отождествление чего-либо или кого-либо с чем-либо или кем-либо. Культурная самоидентификация — это процесс сопоставления человеком себя с социальной общностью по культурным признакам. Причем в инкультурационном контексте определяющую роль играют признаки, проявляющиеся в повседневных культурных практиках, прежде всего в быту, во взаимоотношениях с другими людьми и т. п. Процессы социокультурной самоидентификации актуализируются при непосредственном столкновении с носителями иной культуры, когда обнаруживаются некие противоречия в стереотипах поведения, оценках, понимании чего-либо. Особенности калининградских реалий таковы, что, с одной стороны, создается достаточно много стимулов для самоидентификации: «столкновений» с носителями других культур более чем достаточно. С другой стороны, в силу пограничного характера культуры и интенсивного диахроническо-синхронического межкультурного взаимодействия процессы самоидентификации заметно усложняются: провести четкую демаркацию между «своим» и «чужим» не всегда удается.

В условиях калининградской региональной субкультуры социокультурная самоидентификация личности осуществляется по маркерам: «калининградский — российский», «калининградский — европейский», «калининградский — немецкий (восточнопрусский, кёнигсбергский)» или «свой — иной — другой — чужой — свой». Происходит превращение культурно чужого и чуждого в культурно знакомое и свое через посредничество. Этот процесс способствует расширению толерантной составляющей ценностного пространства личности и формированию ее межкультурной компетенции. С одной стороны, это явление положительное, но, с другой — оно чревато и отрицательными последствиями: может

возникнуть угроза определенного отрыва от культурной базовой матрицы.

Сегодня эта угроза представляется весьма незначительной: «европейскость» некоторой части калининградцев или подчеркнуто позиционируемая калининградская идентичность зачастую оказываются скорее декларируемыми, нежели реальными[65]. К тому же идентичность весьма ситуативна, подвижна; процессы самоидентификации явно реагируют на вызовы извне, и прежде всего на изменения политических реалий. Так, югославский кризис подтолкнул актуализацию славянской идентичности у множества россиян, процесс расширения ЕС, проблемы транзита в Калининградскую область и из нее резко усилили «российскость» калининградцев. Ментальная идентичность подавляющего большинства жителей области на сегодняшний день российская, но в перспективе может возникнуть «проблема третьего поколения». Третье поколение — это поколение не просто местных уроженцев, но их внуков, то есть поколение, у которого возможны подвижки на глубинном ментальном уровне.

Что позволяет сделать такое предположение, кроме теоретических выкладок о специфике инкультурации личности в условиях калининградской региональной субкультуры и результатов конкретно-социологических исследований, уже не вполне обнадеживающих: от 54 до 56 % опрошенных позиционируют себя, в первую очередь, как россиян, а в качестве европейцев — от 5 до 8,3 %[66]? Третье поколение пока численно минимально: в настоящее время местные уроженцы составляют лишь 43 % населения области, из которых 24 % относится к первому поколению и 19 % — ко второму[67]. Но во вполне обозримой перспективе оно, есте-

---

[65] *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Калининградская региональная субкультура, идентичность и ментальность. С. 164; *Они же.* Проблема самоидентификации в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 3: Сер. Гуманитарные науки. 2005. С. 23.

[66] *Клемешев А.П., Фёдоров Г.М.* Калининградский социум: по результатам социолгических обследований 2001-2004 гг. // Регион сотрудничества. Вып. 6 (31). Калининград, Изд-во КГУ, 2004. С. 19.

[67] Там же. С. 4.

ственно, численно увеличится и объективно заменит старшие поколения в сфере принятия и реализации решений. Каковы будут ценности третьего поколения?

Сегодня уже можно констатировать, что у молодых людей, родившихся в Калининградской области или переехавших сюда в детстве, намечается девальвация ценности «российскости». Об этом свидетельствует глубинно-проективное письменное интервьюирование, неоднократно проводимое нами с учащимися 10—11-х классов калининградского лицея №49 и студентами младших курсов РГУ им. И. Канта, то есть с теми, кому от 16—17 до 20 лет. Возможность анонимности давала определенную гарантию искренности ответов. Процедура глубинно-проективного интервьюирования, предваряемого созданием у респондентов позитивной установки на его значимость, способствует активизации процесса самосознания, в котором индивид делает себя объектом собственного восприятия. По сути, это диалог, обращенный к самому себе, в котором благодаря коммуникации с самим собой индивид «проблематизирует» себя, позиционируя свою идентичность.

По результатам этого исследования можно констатировать «размывание» российской ментальной идентичности у подавляющего большинства молодых людей, участвовавших в интервьюировании. Это выражается не только в том, что абсолютное большинство из них позиционирует себя в первую очередь как калининградцев, а значительная часть — как европейцев. Доминирующим настроением письменных интервью, выполненных в форме эссе, является неопределенность, культурная неукорененность, ярко выраженная эмоциональная амбивалентность и по отношению к России, и по отношению к Европе. Содержание и форма (система аргументации) ответов позволяют нам предполагать состояние ценностной «двунепринадлежности», если пользоваться образным выражением В.Л. Каганского[68]. Опыт таких исследований, проводящихся с 2000 г., позволяет отметить достаточно явную динамику этого состояния в сторону его усиления.

---

[68] *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 534.

Несколько отличаются результаты аналогичного исследования, проведенного среди старшекурсников специальностей «Политология» и «Философия» исторического факультета РГУ им. И. Канта. В большинстве ответов (также преимущественно анонимных) фиксируется политическая и экономическая необходимость принадлежности Калининградской области к России; четко и осмысленно, хотя, зачастую и несколько аффектированно, позиционируются «российскость» и «русскость» при преобладающем утверждении своей калининградской идентичности. Но и в этих ответах большое внимание уделяется отличиям Калининградского региона (прежде всего Калининграда) как от России, так и от Европы; нередко звучит тема неопределенности будущего. Некоторое отчуждение от России фиксируется и семантически: часто используются выражения типа «большая земля», «культурный материк», «историческая Родина» и т. п. Примечательно, что практически ни в одном интервью мы не нашли темы восхищения Россией хоть в каком-нибудь контексте; а вот по отношению к Европе эта тема присутствует довольно часто. Встречаются и настроения культурной неопределенности и неукорененности; иными словами, по А. Вознесенскому, «не мы повинны в том, что половинны».

И еще одно обстоятельство: во многих интервью отражен тот факт, что на уровне бытового общения в других российских «городах и весях» Калининград зачастую не воспринимается как российский город, а обозначается как «Европа». Об этом же свидетельствует и собственный опыт авторов: нам не раз приходилось сталкиваться с особенным и не всегда здоровым интересом российского обывателя к жизни калининградцев как «жизни за границей».

Надо сказать, что процессы некоторого отчуждения от России очевидны и без специальных исследовательских процедур. Их можно констатировать и на уровне «включенного наблюдателя»: молодые люди, выросшие в Калининграде, не чувствуют себя жителями огромной по территории страны, в их картине мира иной образ социального времени и пространства, нежели у их сверстников из других российских регионов. Так, абсолютно распространенным в обыденной лексике стало выражение «был(а) в России», без указания конкретного населенного пункта или региона — Поволжье, Урал,

Сибирь и т.п. При этом выражение «был(а) в Европе» встречается неизмеримо реже: как правило, указывается страна или город. От молодого калининградца (калининградки) чрезвычайно редко можно услышать выражение «у нас в России». То есть на бессознательном уровне Калининград как бы выводится из культурных шифров «российскости», что свидетельствует об определенных изменениях ментальной идентичности.

Символическая составляющая картины мира тоже иная: доминирующими образами являются вертикаль кирпичной готики, черепичные крыши, липы вдоль узких, мощеных булыжником дорог; поэтика православных храмов, крестьянских изб, русских берез явно чужда большинству молодых калининградцев. И хотя политические ценности остаются пока «чисто российскими», налицо весьма симптоматичные тенденции намечающихся трансформаций ментальности и тем самым ментальной идентичности. В этом контексте полагаем не лишним заметить, что процессы «размывания» национальной идентичности уже достаточно глубоко исследованы: знаменитый автор «Столкновения цивилизаций» Самюэль Хантингтон в своей последней книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» убедительно показывает, что в основе этого «размывания» лежит девальвация базовых ценностей[69].

Итак, подведем некоторые итоги: принципиально не признавая на сегодняшний день угрозу политического сепаратизма в Калининградском регионе, мы одновременно видим две возможности динамики в условиях калининградской региональной субкультуры. Первая: изменение массового сознания третьего поколения калининградцев, постепенное вымывание из него ценности «российскости», что с неизбежностью приведет к активизации отрыва от России; формы этого отрыва станут носить конкретно-исторический характер. Мы далеки от политического эсхатологизма и не говорим, что «так и будет»: мы только хотим сказать, что «так может быть». Очевидно, что конкретные политические, экономические, социальные решения федерального Центра сыграют в этом процессе не последнюю роль.

---

[69] *Хантинтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

Но может осуществиться и другая возможность: при условии возрастания геополитической изоляции Калининградского эксклава, при увеличении, как некогда говорили, «международной напряженности» в массовом сознании калининградцев могут возобладать настроения «российского фундаментализма» вкупе с православным клерикализмом, что может привести к этноконфессиональным столкновениям в регионе. Как отмечает И.В. Кондаков, «пограничным культурам свойствен переменный модус открытости/закрытости и неустойчивый баланс центробежных и центростремительных процессов, в одних случаях стремящихся к преодолению смысловой определенности данной культуры, в других — к предельно жесткому ее обозначению и институциональному охранению»[70].

Обе указанные возможности социокультурной динамики в перспективе представляются равно «могущими быть» и равно нежелательными. Оптимальным полагаем развитие калининградской региональной субкультуры в сторону формирования «русского европейца» как субъекта-носителя ценностей толерантности, экуменизма, свободы и ответственности личности, т.е. тех ценностей, которые, как отмечает В.К. Кантор, позволят «жить в Европе, не выезжая из России»[71].

Особая роль в формировании личности «русского европейца» в эксклавном регионе принадлежит классическому университету и возглавляемой им региональной системе образования в целом.

Реальностью является такая этнокультурная идентификация молодого поколения калининградцев, которую можно определить понятием «культурная маргинальность»[72]. Последняя может быть охарактеризована как «положение и особенности жизнедеятельности групп и отдельных индивидов, чьи установки, ценностные ориентации, модели поведения соотнесены (реально или в интен-

---

[70] *Кондаков И.В.* Интерсубъективность культуры // Человек как субъект культуры. М.: Наука, 2002. С. 167.

[71] *Кантор В.К.* Калининград, Россия, Европа: проблема понимания // На перекрёстке культур: Русские в Балтийском регионе. Вып. 7: В 2 ч. / Под общ. ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Ч. 1. С. 17.

[72] Отметим, что понятие «культурная маргинальность» не несет негативного оттенка, а предполагает открытость инновациям.

ции) с различными культурными системами и проистекающими из них требованиями, но ни в одну из данных систем не интегрированы полностью»[73]. Думается, нет необходимости доказывать, как важно учитывать данное обстоятельство при осуществлении культурной, и прежде всего образовательной, политики в условиях калининградской региональной субкультуры, при разработке долгосрочных стратегий управления социокультурной динамикой в регионе.

[73] *Культурология*: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С.Кагана. М.: Высшее образование, 2005. С. 541—542.

Заключение

С целью профилактики распространения сепаратистских настроений среди жителей Калининградской области необходимо развернуть работу в двух основных направлениях. В первую очередь речь идет об активизации усилий по социально-психологической адаптации молодежи, ускорении вовлечения ее в производственную и общественно-политическую деятельность. Обязательным условием для успеха такой работы должно быть значительное улучшение условий жизни и труда молодого поколения калининградцев. Это позволит снизить негативный эффект от сопоставления российской действительности с положением сверстников за рубежом. Должны быть «прочищены» те каналы, через которые осуществляется вертикальная социальная и политическая мобильность. Следует всячески содействовать развитию ипотеки и иных форм льготного кредитования молодых семей с участием различных органов власти. Создание семей и получение собственного жилья не только приведет к существенному снижению миграционного потенциала, но и вытеснит сепаратистские иллюзии более реалистичными планами достижения благополучия в рамках калининградского социума. Данные меры позволят смягчить дефицит кадров на местном рынке труда и содействовать преодолению острого демографического кризиса.

Следующее направление усилий, призванных нейтрализовать автономистские настроения, — реализация комплекса мер по ускорению интеграции последней волны переселенцев в региональный социум. В этом контексте необходимо с осторожностью

подходить к программам массового переселения новых жителей в Калининградскую область. Как показывают данные регулярных социологических исследований, размывание ядра условно коренных калининградцев сопровождается усилением эмигрантских настроений, расширением слоя людей, лояльно относящихся к различным вариантам политического и экономического дистанцирования области от остальной части страны. Вероятно, существует некий критический предел, за которым региональное сообщество утрачивает способность к «перевариванию» новых мигрантов. Как следствие — последние сохраняют внутреннюю обособленность от общих потребностей социума, рассматривая его лишь в качестве очередного временного места проживания.

Однако более радикальными должны быть меры, обеспечивающие решение всего комплекса проблем регионального развития. То есть необходимо учитывать все многообразие переплетающихся в регионе интересов и разработать (совершенствовать) следующие документы, которые создадут институциональную основу устойчивого развития области[74].

На федеральном уровне:

Для обеспечения устойчивого и динамичного развития области в интересах Федерации и самого региона необходимы активные действия федеральных властей. Алгоритм действий Центра по отношению к Калининградской области должен включать:

— разработку и утверждение федеральной политики по отношению к Калининградской области с указанием ее роли в социально-экономическом развитии России;

— принятие федерального закона «О Калининградской области — эксклавной территории Российской Федерации», более широкого по содержанию в сравнении с законом об ОЭЗ и направленного на жизнеобеспечение и развитие российского эксклава с учетом изменений в его внешнем окружении (включая предстоящее вступление России в ВТО, вхождение Литвы и

---

[74] См.: *Клемешев А.П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005; *Он же*. Проблемы эксклавности в контексте глобализации. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2005; *Он же*. Российский эксклав в условиях глобализации. Калининград: Изд-во КГУ, 2004 и др.

Польши в Шенгенскую зону и др.); должны быть предусмотрены меры компенсации эксклавного положения всему населению области и определен эффективный механизм развития экономики региона;

— корректировку федеральной целевой программы «Развитие Калининградской области на период до 2010 года» с учетом произошедших со времени ее принятия изменений на основе принципа системности, чтобы обеспечить кумулятивный эффект действия предусматриваемых мероприятий.

На международном уровне:

необходимо заключение договора между РФ и ЕС об условиях жизнеобеспечения и развития Калининградской области как региона взаимного сотрудничества, а также заключение других договоров и соглашений со странами Балтийского региона и Белоруссией. Зарубежные партнеры должны гарантировать надежные коммуникации эксклава с основной территорией страны, возможность доступа калининградских товаров на их рынки. Российской стороне необходимо взять на себя обязательства по обеспечению необходимой экономической поддержки региона, экологической безопасности, социальной стабильности. Должны быть предусмотрены совместные действия по военной безопасности, предотвращению угрозы терроризма и улучшению криминальной обстановки, расширению трансграничных экономических, социальных и политических связей на Юго-Востоке Балтики.

На региональном уровне:

Требуется совершенствование регионального законодательства и уменьшение административных барьеров на пути развития предпринимательства. Актуальной является также разработка комплексной программы регионального развития, согласовывающейся с документами федерального уровня, международными соглашениями, муниципальными интересами.

Итак, комплексный подход к решению проблем развития Калининградской области предполагает разработку законодательных и программных документов на трех уровнях: федеральном, международном и региональном. Особенно необходима четко сформулированная федеральная политика по отношению к региону. В ходе ее реализации необходимо обеспечить сохранение российского суверенитета над Калининградской областью. При

этом должны одновременно решаться две взаимосвязанные, но относительно самостоятельные задачи:

— обеспечение российского суверенитета на территории области, что означает, по сути, обеспечение жизнедеятельности региона, его функционирование;

— усиление роли региона в развитии Российской Федерации, то есть развитие самой области.

Первая задача решается, во-первых, предоставлением региону прямой финансовой поддержки, во-вторых, предоставлением льгот на законодательном уровне. Для решения второй задачи, то есть стимулирования регионального экономического развития, также имеются как финансовые, так и законодательные возможности. Прямое финансирование объектов, преимущественно инфраструктурных, осуществляется федеральной целевой программой «Развитие Калининградской области на период до 2010 года». А действовавший в 1996—2005 гг. закон об ОЭЗ предоставлял возможности беспошлинного импорта сырья и полуфабрикатов для их переработки и последующей поставки на российский рынок. Эта льгота сохранена на 10 лет принятым в декабре 2005 г. новым законом об ОЭЗ, который предоставил крупным инвесторам возможность льготного налогообложения. (Но одновременно может использоваться лишь одна из этих льгот.)

В принятом законе учтены внесенные губернатором Калининградской области Г.В. Боосом поправки, согласно которым руководить ОЭЗ будет по-прежнему региональная, а не федеральная (как было в проекте) власть. Утвержден упрощенный порядок въезда в область и упрощенная процедура получения разрешения на работу в регионе (что важно в связи с ожидаемым ростом потребности в кадрах). На полгода сохранена возможность льготной растаможки автомобилей на область, но не на основе продажи квот, как ранее, а персонально на людей[75].

Закон «О Калининградской области — эксклавной территории Российской Федерации» должен обеспечить реализацию федеральной политики по отношению к региону и создать условия для превращения области в динамично формирующийся «коридор развития», соединяющий Россию и ЕС.

---

[75] «*Мы наш*, мы новый мир построим» // Калининградская правда. 2005. 5 янв.

Библиография

1. *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Социально-философское исследование развития региональной культуры (на примере Калининградской области) // Вестник КГУ. Вып. 2. Сер. Философия, история и образование стран Балтийского региона. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 27—37.

2. *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Калининградская региональная субкультура, идентичность и ментальность // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США / Под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 155—168.

3. *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Проблема самоидентификации в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 3. Сер. Гуманитарные науки. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 20—27.

4. *Волков В.* «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х годов: Распад ялтинско-постдамской системы международных отношений // Новая и новейшая история. 2002. № 2.

5. *Городилов А.А.* Россия в центре Европы. Калининград: Запад России, 1998.

6. *Городилов А.А., Дударев М.С., Каргополов С.Г., Куликов А.В.* XXI век: интеграция Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский союз. Калининград: Янтарный сказ, 2003.

7. *Гуревич П.С., Шульман О.И.* Ментальность, менталитет // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2 СПб.: Университетская книга; 1998. С. 25—27.

8. *Дашдамиров А.* Многоликий сепаратизм // Независимая газета. 2000. 5 февр.

9. *Захаров А.* Федеративное государство и сепаратизм: канадский вариант // Полис (Политические исследования). 2002. № 3.

10. *Зверев Ю.М., Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Подходы к оценке ситуации в регионе и региональной стратегии // Космополис. 2005. № 13.

11. *Информация* Среднерусского консалтингового центра // Новости агентства Росбалт. 04/01/2003 (www/ rosbalt. ru)

6.12. *Кава Дибо.* Регионально-международный аспект курдской проблемы // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 4.

13. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

14. *Калининградская* область России и расширение ЕС. Проблемы общеевропейской интеграции: Аналитический доклад. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

15. *Калининградский* социум в европейском контексте / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

16. *Кантор В.К.* Калининград, Россия, Европа: проблема понимания // На перекрестке культур: Русские в Балтийском регионе. — Вып. 7: В 2 ч. / Под общ. ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Ч. 1. С. 10—22.

17. *Кашмирский* излом // Еженедельный журнал. 2005. 13 янв.

18. *Клемешев А.П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

19. *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Особая территория России. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

20. *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Остров сотрудничества. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

21. *Клемешев А.П., Федоров Г.М., Алимпиева А.В.* Калининградский социум: проблемы консолидации и стратификации // Регион сотрудничества. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. № 2(20).

22. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

23. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Развитие Калининградской области в условиях российско-европейского взаимодействия на Балтике. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

24. *Кондаков И.В.* Интерсубъективность культуры // Человек как субъект культуры. М.: Наука, 2002. С. 152—188.

25. *Культурология*: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М.: Высшее образование, 2005.

26. *Мусабеков Р.* Террор не имеет национальности и религии // Эхо. 2001. 15 сент.

27. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд. М.: Русский язык, 1984.

28. *Политология*: Энциклопедический словарь /Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянова. М: Изд-во МГУ, 1993.

29. *Попадин А.Н.* Местное время: прогулки по Калининграду: Практ. пособие в 3 ч. с отступлениями. Калининград: Янтарный сказ, 1998.

30. *Регион* сотрудничества. Вып. 6 (31): Клемешев А.П., Федоров Г.М. Калининградский социум: по результатам социолгических обследований 2001—2004 гг. / Под общ. ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

31. *Системная* история международных отношений в четырех томах. 1918—1991 гг. / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. События. 1918—1945., М.: Московский рабочий, 2000.

32. *Смородинская Н.В.* Калининградский эксклав: перспектива трансформации в пилотный регион / Ин-т экономики РАН. М., 2001.

14.33. *Смородинская Н.В., Жуков С.В.* Калининградский анклав в Европе: заплыв против течения. Диагностика состояния и возможностей экономического развития / Ин-т Восток-Запад. М., 2003.

34. *Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* Калининградские альтернативы /Калинингр. ун-т. Калининград, 1996.

35. *Хантинтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

36. *Чернов М.* В борьбе за контроль над Африкой Евросоюз и США готовы пожертвовать миллионами жизней//РБК. 2004. 26 авг.

37. *Christians F.* Wilhelm. Wege nach Russland. Hamburg, 1990.

38. *Wellmann Chr.* Kaliningrad als Konfliktsyndrom // Die Friedens-Warte. 2000. № 3—4.

Авторский коллектив

Клемешев Андрей Павлович — ректор Российского государственного университета им. И. Канта, академический директор БалтМИОНа.
E-mail: rector@albertina.ru

Абрамов Владимир Николаевич — канд. ист. наук, доцент кафедры социологии и политологии исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта.
E-mail: hrom@gazinmter.net

Алимпиева Анна Викторовна — канд. соц. наук, доцент кафедры социологии и политологии исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта.
E-mail: sinis@yandex.ru

Андрейчук Наталья Вениаминовна — канд. филос. наук., доцент кафедры философии и логики исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта.

Гаврилина Лариса Михайловна — канд. филос. наук., доцент кафедры философии и логики исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта.

Зверев Юрий Михайлович — канд. геогр. наук, начальник УНИРа Российского государственного университета им. И. Канта.
E-mail: zverev@albertina.ru

Кретинин Геннадий Викторович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Балтийского региона исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта.
E-mail: biacrisi@baltnet.ru

Мельвиль Андрей Юрьевич — д-р филос. наук, проректор по научной работе МГИМО (У) МИД РФ.
E-mail: melville@mgimo.ru

Миронюк Михаил Григорьевич, канд. полит. наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ.
E-mail: politology@mgimo.ru

Федоров Геннадий Михайлович — д-р геогр. наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета им. И. Канта, руководитель научного направления БалтМИОНа «Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее».
E-mail: fedorov@albertina.ru

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОНов), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231.
Электронная почта: info@ino-center.ru
Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и пу-

тешественника XIX века, который своими исследованиями и книгами о России сыграл важную роль в улучшении понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, институт ценит свою независимость от политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и с наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д.* и *Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека, а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению их результатов, просвещения и профессиональной подготовки, практической деятельности.

Научное издание

Регион сотрудничества
Вып. 3 (46)

Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий

Редактор Л.Г. Ванцева. Корректор Е.В. Владимирова
Оригинал-макет подготовлен Л.В. Семеновой

Подписано в печать 23.12.2005 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ 301.

Издательство Российского государственного университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14